

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына ¹⁾.

Къ числу уличныхъ развлеченій въ зимнее время принадлежали *кулачные бои*. Обыкновенно въ воскресенье и другіе праздничные дни около вечера, на одной изъ отдаленныхъ улицъ собиралась толпа мѣщанской молодежи человекъ до четырехсотъ. Толпа эта дѣлилась на два лагеря, и каждый лагерь, выстроившись въ шеренгу по два въ рядъ, становился противъ другого. Въ каждомъ лагерѣ набирались одинъ или два предводителя, становившихся обыкновенно съ боку шеренги. Стоявъ такъ минуты двѣ, начинали острить другъ надъ другомъ и перебраниваться, затѣмъ кидать другъ въ друга снѣжками. Послѣ этого по командѣ „сходись!“ лагеря бросались другъ на друга, и начинался настоящій кулачный бой. Удары вначалѣ были не очень сильны, но по мѣрѣ возбужденія они становились все сильнѣе и наносились по лицу, по носу, по зубамъ, по груди, такъ что многіе падали на снѣгъ, часто окровавленные съ фонарями подъ глазами, съ выбитыми зубами и т. д. Кругомъ дерущихся обыкновенно собиралась большая толпа изъ уличныхъ мальчишекъ, купеческихъ сынковъ, которые бросали въ дерущихся мѣдныя деньги, что тѣхъ еще больше приводило въ ярость. Бой продолжался часа полтора, пока обѣ стороны не ослабѣвали. Иногда побитыхъ уносили на рукахъ. Полиція въ эти дни не вмѣшивалась изъ боязни быть побитой.

Чтобы закончить мой рассказъ о новоторжескомъ купечествѣ, опишу двѣ довольно оригинальныя встрѣчи. Кажется, въ 1861 году я лѣчилъ довольно долго купца В. М. Вавулина, однофамильца

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1913 г.

того, который орудовалъ на пожарѣ. Это былъ старикъ лѣтъ восьмидесяти, истощенный продолжительнымъ нагноеніемъ въ колѣнномъ суставѣ. По случаю уборки дома передъ какимъ-то праздникомъ его перевели въ другую комнату, въ которой, къ удивленію моему, я увидалъ два большихъ шкафа съ книгами. Въ одномъ изъ нихъ въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ стояло большое количество книгъ свѣтскаго содержанія и въ томъ числѣ полное собраніе сочиненій Вольтера. Удивленный этимъ, я спросилъ Вавулина, откуда у него эти книги. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что эти книги онъ пріобрѣлъ очень давно, когда былъ еще масономъ. Я сталъ спрашивать Вавулина объ нихъ, но къ сожалѣнію онъ частью отъ старости, частью отъ истощенія и болѣзни совсѣмъ почти потерялъ память, и изъ его безсвязныхъ, непослѣдовательныхъ разсказовъ я ровно ничего не могъ понять. Онъ перепутывалъ событія, лицъ и даты. Я узналъ только, что къ этому обществу, кромѣ него, принадлежало еще нѣсколько новоторжскихъ купцовъ, что доказываетъ, что развитіе купечества въ началѣ девятнадцатаго столѣтія было выше, чѣмъ въ серединѣ его.

У того же Вавулина я встрѣтилъ однажды высокаго благообразнаго старика-купца лѣтъ шестидесяти, съ сѣдой овладистой бородой. Его умная рѣчь меня очень заинтересовала, и я невольно просидѣлъ у больного дольше обыкновеннаго. Оказалось, что гость былъ достаточно знакомъ съ русской литературой, былъ большимъ поклонникомъ Герцена и получалъ „Колоколъ“, нѣсколько номеровъ котораго онъ далъ мнѣ для прочтенія. О Герценѣ онъ говорилъ съ восторгомъ, въ особенности о его статьяхъ по крестьянскому вопросу и о старообрядцахъ. Онъ самъ былъ старообрядцемъ Рогожскаго толка. Звали его—Александръ Ивановичъ Сборонскій.

Вообще старообрядцы въ то время возлагали большія надежды на императора Александра II и вѣрили, что онъ признаетъ свободу совѣсти и установитъ полную вѣротерпимость. Кромѣ того, онъ изрѣдка высказывалъ идеи социалистическаго характера, съ которыми онъ, какъ оказалось, повникамился во время своего путешествія въ Бѣлую Криницу, въ Галицію, куда онъ ѣздилъ для разрѣшенія какихъ-то религіозныхъ недоразумѣній съ Бѣло-Криницкими раскольниками. Былъ онъ, кажется, и въ Лондонѣ у Герцена, но говорилъ объ этомъ неохотно.

Къ сожалѣнію, знакомство наше продолжалось недолго. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву, и я больше нигдѣ не встрѣчалъ его.

Мѣщанское сословіе было также, если не болѣе, невѣжественно и грубо, какъ и купечество. Жили они очень бѣдно, грамотныхъ между ними было очень мало. У нѣкоторыхъ были небольшія полосы земли на городскихъ нивахъ. Нужно сказать, что еще при Екатеринѣ II городу было отведено, кажется, болѣе четырехъ съ половиной тысячъ десятинъ земли для общаго пользованья. Большею частію эта земля попала въ руки купечества и вообще людей болѣе достаточныхъ. Въ общемъ пользованіи оставался только лѣсъ, изъ котораго дозволялось пользоваться только бѣднѣйшимъ гражданамъ, да городскіе выгоны. Такимъ образомъ мѣщане, не имѣя земельного обезпеченія, должны были сильно бѣдствовать. Главнымъ средствомъ къ существованію, кромѣ обычныхъ городскихъ промысловъ: кузнечества и др., было шитье рукавицъ для судорабочихъ. Черезъ Торжокъ тогда проходило болѣе трехъ тысячъ барокъ, на которыхъ было тысячъ двадцать или болѣе судорабочихъ. Всѣ они запасались здѣсь многими необходимыми вещами.

Главнымъ образомъ работали женщины. Въ Торжкѣ тогда было очень распространено шитье по сафьяну. Нѣсколько подрядчиковъ заказывали женщинамъ вышивки по сафьяну золотомъ, серебромъ и шелками. Изъ этого шились туфли, башмаки, спальные сапоги и подушки. Все это продавалось частью въ Торжкѣ проѣзжимъ, частью въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ. Швеямъ платили за это поштучно, обыкновенно очень недорого, такъ что главные барыши доставались подрядчикамъ. Наибольшею извѣстностью пользовалась фирма купцовъ Королевыхъ, которые на Лондонской выставкѣ 1855 года получили за эти работы медаль. Кромѣ сафьяна, вышивали и по бархату. Производство это существуетъ и теперь, только въ меньшихъ размѣрахъ.

Нѣкоторые изъ мѣщанъ занимались еще разнаго рода извозомъ и перевозкою товаровъ.

ГЛАВА II.

Вторымъ господствующимъ сословіемъ было довольно многочисленное чиновничество. Оно отличалось тѣми же качествами, какъ и вездѣ въ Россіи того времени, т. е. брало взятки, играло въ карты, кутяло по всякимъ случаямъ: на крестинахъ, именинахъ, свадьбахъ и т. п.

Главнымъ лицомъ въ городѣ былъ городничій. Въ то время эту должность занималъ майоръ Астафьевъ. Это была мелочикъ

въ сущности добрый и неособенно притязательный, но про предшественника его, Л., рассказывали цѣлыя легенды. Пользуясь расположеніемъ губернской администраціи, съ которой онъ дѣлился своей добычей, онъ всецѣлѣю властвовалъ надъ городомъ.

Масса разнаго рода законоположеній и полицейскихъ правилъ, почти никому неизвѣстныхъ, ставило обывателя въ полную зависимость отъ полиціи, и, чтобы избавиться отъ тѣхъ стѣсненій, которыя на каждомъ шагу его преслѣдовали, онъ долженъ былъ платить взятки всякому, кто на него прикрикнетъ, иначе онъ не могъ заниматься свободно ни торговлей, ни промыслами. Въ дѣлѣ вымоганія взятокъ Л. былъ, какъ говорили, мастеръ первой руки. Кромѣ того, важныя статьи дохода составляли для него откупъ, выдача паспортовъ мѣщанамъ, проходныя свидѣтельства баркамъ и т. д. Кромѣ этихъ, какъ тогда называли, безгрѣшныхъ доходовъ, онъ не пренебрегалъ и другими болѣе темными.

Въ новоторжскихъ кабакахъ и трактирахъ было постоянное пьянство и всевозможныя оргіи, въ которыхъ участвовали и купеческіе сынки, и привязчики съ проходящихъ судовъ. Оргіи эти всегда кончались драками, при чемъ бывали случаи и убійствъ.

Все это, конечно, покрывалось полиціей, а мертвыя тѣла, какъ говорятъ, спускались въ Тверцу. Разумѣется, львиная доля этихъ доходовъ доставалась городничему. За годъ или за два до его увольненія отъ должности, во время пасхальной заутрени была убита кухарка или сожительница мѣнялы, жившаго въ довольно населенной части города, близъ мужского монастыря. Убійство совершено было съ цѣлью ограбленія, почему-то убійцы не успѣли воспользоваться всею имущественною мѣнялы, а равно и деньгами его. Явилась, конечно, полиція, составила все нужныя протоколы, „только денегъ не нашли“. Все окрестныя жители и самъ мѣняла указывали на нѣкоторыхъ лицъ, какъ на вѣроятныхъ виновниковъ преступленія, но слѣдствіемъ ничего не было раскрыто. Дѣло тогда было передано, какъ говорилось, суду и волѣ Божіей. Самъ мѣняла, какъ иногородній, былъ высланъ изъ Торжка. Въ публикѣ были слухи, что денегъ было нѣсколько тысячъ, и что большая часть ихъ попала въ руки Л.

И такія дѣла много лѣтъ сходили ему съ рукъ, благодаря, конечно, покровительству губернской администраціи. Единственное хорошее дѣло, которое сдѣлалъ Л., было то, что онъ вымогъ часть городскихъ улицъ. Впрочемъ, должность городни-

чаго скоро была уничтожена, такъ какъ городская полиція была слита съ уѣздною.

Представителемъ послѣдней въ то время былъ исправникъ, о которомъ мы скажемъ впоследствии.

Начальники другихъ вѣдомствъ, какъ напримѣръ казначей, почтмейстеръ, большой роли не играли, хотя и ухитрились подъ конецъ своей службы при незначительномъ жалованьи обзавестись хорошенькими домами, разумѣется, на имя своихъ женъ.

Секретари и другое мелкое чиновничество также грабили, „елико можаху“. Типическимъ представителемъ этого класса былъ секретарь уѣзднаго суда Владиміръ Ивановичъ С. Уѣздный судъ въ то время составлялъ первую инстанцію для всѣхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Судьи и засѣдатели выбирались дворянствомъ, и рѣдко были свѣдущи въ законахъ и дѣлахъ, вслѣдствіе чего, при тогдашней негласности суда, все дѣло было въ рукахъ секретаря и его подчиненныхъ чиновниковъ, которые дѣлали, что хотѣли. С. былъ дѣлецъ первой руки и вершилъ всѣ дѣла по своему произволу въ пользу тѣхъ, кто ему больше дастъ.

Самая его фигура была типична: это былъ блондинъ средняго роста, всегда гладко выстриженный и выбритый, всегда прилично одѣтый, голубые глаза его смотрѣли изъ-подъ золотыхъ очковъ, всегда кротко и любезно, но, взглянувъ въ нихъ пристальнѣе, вы въ нихъ замѣчали выраженіе хитрости съ подобострастьемъ. Впрочемъ, онъ никогда не смотрѣлъ прямо въ глаза собесѣднику. Говорилъ онъ тихо, спокойно, фразы его были крайне осторожны, какъ будто онъ не высказывалъ вполне своего мнѣнія, при чемъ на его тонкихъ губахъ бродила какая-то лукавая улыбка. Ходилъ онъ мягкой, почти неслышной кошачьей походкой. Самое замѣчательное въ немъ были руки, широкія, съ короткими пальцами, онѣ были всегда сложены такъ, какъ будто всегда хотѣли что-нибудь схватить и удержать. Онъ началъ свою карьеру, почти мальчикомъ въ качествѣ писца въ какомъ-то судѣ. Скоро онъ изучилъ всѣ тогдашніе законы, привыкъ во всякимъ крючкотворствамъ и наконецъ добился мѣста секретаря уѣзднаго суда. Тутъ ему открылось широкое поле дѣятельности, при всеобщемъ невѣдѣніи законовъ и судопроизводства. Онъ умѣлъ брать съ обѣихъ тяжущихся сторонъ, и съ истца, и съ отвѣтчика: сегодня диктовалъ прошеніе истцу, завтра возраженіе отвѣтчику, но самъ не писалъ черняковъ, чтобы не быть уличеннымъ. Къ нему обращались не только купцы и мѣщане, но и интеллигентная публика. Мнѣ самому случалось не

разъ видѣть у его подвѣзда экипажи мѣстныхъ помѣщиковъ, такъ какъ подобныхъ ему дѣльцовъ въ городѣ больше не было.

Для примѣра разскажу дѣло о завѣщаніи одного богатаго помѣщика Чевакинскаго. Это былъ богатый бездѣтный старикъ, жившій большою частію въ Петербургѣ. Онъ обратился къ С. съ просьбой написать ему духовное завѣщаніе въ пользу одного изъ отдаленныхъ его, Чевакинскаго, родственниковъ по боковой линіи, что С. и исполнилъ. Черезъ нѣсколько времени, когда старикъ померъ, другой родственникъ, болѣе близкій къ завѣщателю по степени родства, занимавшій крупное мѣсто въ какомъ-то департаментѣ въ Петербургѣ, обратился къ С. съ просьбой опровергнуть это завѣщаніе. Сдѣлать это послѣднему было очень легко, такъ какъ, писавши завѣщаніе, онъ на всякій случай сдѣлалъ какія-то формальныя упущенія, въ силу которыхъ оно оказалося недействительнымъ, и все имѣніе перешло въ руки послѣдняго просителя. С. же, помимо денежнаго говорара, получилъ прекрасный домъ въ городѣ, устроенный на барскую ногу.

Затѣмъ онъ зорко слѣдилъ за бездѣтными стариками и по смерти ихъ умѣлъ какъ-то вмѣшиваться въ дѣло раздѣла наслѣдства, при чемъ часто большія доли попадали въ руки лицамъ, или вовсе не имѣвшимъ права на наслѣдство, или имѣвшимъ право на меньшую долю противъ той, которая выдѣлялась имъ при помощи С. Кромѣ того, онъ умѣлъ забирать въ свои руки молодыхъ людей съ состояніемъ, не имѣвшихъ близкихъ родственниковъ. Онъ потакалъ ихъ слабостямъ, приглашалъ къ себѣ на кутежи, втягивалъ въ долги и, пользуясь ихъ безграничнымъ довѣріемъ, въ концѣ концовъ разорялъ ихъ, предварительно высосавъ изъ нихъ все, что было возможно.

Изъ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ разскажу одинъ, наиболѣе типичный. Верстахъ въ пятнадцать отъ города было имѣніе одного молодого человѣка А. Н. Юрѣва. Онъ служилъ во флотѣ, завѣдывалъ какою-то технической частью въ Кронштадтѣ и, какъ человѣкъ способный и хорошо образованный, пользовался большимъ расположеніемъ великаго князя Константина Николаевича. Но, къ сожалѣнію, у него была, что называется, широкая русская натура, и такая же у его жены. Онъ любилъ оргіи съ музыкой, пѣснями, плясками, въ чемъ поддерживала его и жена, у которой было много цыганскихъ наклонностей. Предаваться этимъ оргіямъ въ Кронштадтѣ или Петербургѣ было, по его положенію, не совсѣмъ удобно. Поэтому онъ часто ѣздилъ въ Торжокъ, гдѣ предавался кутежамъ иногда сутокъ

по трое и больше. С. скоро сумѣлъ овладѣть его доверіемъ и сталъ потякать его дурнымъ наклонностямъ. Я занималъ тогда квартиру въ домѣ С., и поэтому могъ знать, что дѣлается у нихъ. Юрьевъ мало-по-малу такъ втянулся въ этотъ образъ жизни, что сталъ манкировать службой и дѣлать долги. С. охотно ссужалъ его деньгами, подъ большіе проценты, будто бы занятыми имъ у постороннихъ лицъ. Все это повело къ тому, что Юрьевъ потерялъ доверіе великаго князя и былъ переведенъ на службу изъ Кронштадта въ Аральскую флотилію. Деньгами на дорогу снабдилъ его тотъ же С., но уже подъ залогъ имѣнія.

Тамъ Юрьевъ построилъ пароходъ и при первомъ же пробномъ плаваніи съ музыкой и пѣснями посадилъ его на камень, такъ что пароходъ былъ совершенно испорченъ. Послѣ этого онъ былъ зачисленъ по флоту безъ жалованья.

Вернувшись въ Торжокъ, онъ снова началъ кутить, но теперь онъ довольствовался только одной водкой, такъ какъ имѣніе его было уже совсѣмъ разстроено. Кутежи привели его къ хроническому воспаленію легкихъ, отъ котораго онъ и умеръ, а большая часть его имѣнія перешла къ С.

Конечно, Юрьевъ, быть можетъ, и безъ помощи этого послѣдняго рано или поздно кончилъ бы тѣмъ же, но во всякомъ случаѣ С., подталкивая его на кутежи, ускорилъ его паденіе и разореніе.

Наконецъ С. долженъ былъ, по какимъ-то обстоятельствамъ выйти въ отставку, что дало ему возможность еще больше крючкотворствовать въ качествѣ адвоката, и только введеніе новаго суда положило предѣлъ его дѣятельности.

Остальные чиновники дѣйствовали въ томъ же духѣ, но у нихъ не было такого широкаго полета и его дѣвольской дерзости. Поистинѣ чиновничество было страшной язвой, сосавшей народный организмъ и заражавшей его нравственно. При немъ не могли развиваться ни уваженіе къ человѣческому достоинству, ни чувство законности и равноправности въ судѣ. Недаромъ Хомяковъ сказалъ, что Россія „запятнана въ судахъ неправдой черной“.

ГЛАВА III.

Для медицинской помощи народу была тогда въ Торжкѣ одна городская больница, помѣщавшаяся, какъ и теперь, въ прекрасномъ саду на сѣверной окраинѣ города на довольно возвы-

шенномъ мѣстѣ. Впрочемъ, она едва-ли заслуживала названіе больницы; это была скорѣе богадѣльня, въ которой приарѣвались отставные нижніе чины, лѣчившіеся тогда на счетъ военнаго вѣдомства, и нижніе чины мѣстной команды. Изъ жителей города и уѣзда почти никто не лѣчился въ ней, развѣ случайно полиція придетъ какого-нибудь поднятаго на улицѣ или побитаго въ дракѣ пьяницу. Помимо бѣдности больничныхъ средствъ и существовавшего тогда въ народѣ недовѣрія къ больницамъ, много мѣшила мѣстнымъ жителямъ лѣчиться въ ней высокая плата за лѣченье, которая взыскивалась обыкновенно за цѣлый мѣсяць, хотя бы больной пролежалъ въ ней не болѣе одного или двухъ дней.

Больница была очень скудно снабжена медицинскими пособиями.

Лѣкарства отпускались *in crido* изъ запасныхъ аптечныхъ магазиновъ военнаго вѣдомства по очень ограниченному каталогу, въ которомъ, напримѣръ, не было никакихъ препаратовъ желѣза, кромѣ сѣрниокислаго, ни одного іодистаго препарата, а изъ наркотическихъ были только опій и экстрактъ белены. Для лицъ гражданскаго вѣдомства они покупались въ приготовленномъ видѣ въ вольныхъ аптекахъ.

Такимъ образомъ случалось слѣдующее: если для больного нижняго чина необходимо было, положимъ, іодистый кали, то онъ выписывался изъ военной аптеки на имя какого-нибудь гражданскаго больного, если же таковыхъ не было въ данный моментъ, то и совсѣмъ не выписывался. Никакихъ операций въ больницѣ не дѣлалось, такъ какъ въ ней не было никакихъ инструментовъ, кромѣ стараго ампутаціоннаго набора, пожертвованнаго какимъ-то купцомъ, и двухъ фельдшерскихъ наборовъ.

Въ женскомъ отдѣленіи лѣчились только проститутки, да старыя вдовы нижнихъ чиновъ.

Амбулаторнаго пріема больныхъ тогда не было, и да самое слово „амбулаторный“ не было въ употребленіи. Жители города побогаче лѣчились у постороннихъ врачей, а побѣдѣе частью у фельдшеровъ, частью у знахарей.

Больницей завѣдывалъ городской врачъ, который по преклонности лѣтъ туда рѣдко заглядывалъ, да, по правдѣ сказать, дѣлать ему тамъ было нечего. Кромѣ врача, при ней было еще два старыхъ мало свѣдущихъ фельдшера; они главнымъ образомъ занимались ставленіемъ банокъ и клистировъ городскимъ больнымъ. Въ больницѣ не было даже ванной комнаты.

Врачей въ городѣ было трое. Старшій изъ нихъ былъ вольнопрактикующій врачъ Алексѣй Сафоновичъ Лавровъ, окончившій курсъ въ Московской Медициской Академіи въ 1811-мъ году. Сначала онъ былъ военнымъ врачомъ, а съ 1827-го года, по выходѣ въ отставку, навсегда поселился въ Торжкѣ, какъ врачъ вольнопрактикующій. Онъ имѣлъ большую практику, особенно среди помѣщиковъ, которыхъ тогда было очень много, и среди которыхъ было нѣсколько людей состоятельныхъ. Случалось ему бывать въ одинъ и тотъ же день въ трехъ сторонахъ уѣзда, такъ что, какъ онъ говорилъ, онъ завидовалъ иногда собакамъ, спавшимъ спокойно въ своихъ конурахъ.

Аптеки въ тѣ времена въ Торжкѣ еще не было, такъ что ему приходилось самому готовить для больныхъ лѣкарства, за которыя онъ тоже бралъ деньги.

Онъ былъ человекъ очень скупой и расчетливый и даромъ ничего не дѣлалъ. Бѣдныхъ больныхъ онъ принималъ мало.

Подъ старость онъ скопилъ себѣ хорошій капиталъ тысячъ до ста, какъ оказалось послѣ его смерти, кромѣ того приобрѣлъ двѣ деревушки, всего душъ до двухсотъ. Помѣщикъ, какъ говорятъ, онъ былъ не изъ мягкихъ. Въ своемъ медицинскомъ развитіи онъ остановился на томъ, что слышалъ въ Академіи. Обыкновенное изслѣдованіе больного у него, какъ и у всѣхъ тогдашнихъ врачей, ограничивалось опредѣленіемъ температуры на ощупь, осмотромъ языка, оцущиваніемъ того мѣста, гдѣ больной жаловался на боль и т. п. Никакого понятія ни объ аускультации, ни о перкуссии онъ не имѣлъ.

Но, конечно, долговременный опытъ и привычка развили въ немъ тонкую наблюдательность, такъ что онъ довольно правильно не опредѣлялъ, а скорѣе угадывалъ болѣзни.

Въ терапіи у него главную роль играли разнаго рода кровопусканія и всякія отвлекающія и ослабляющія средства. Такова была вообще медицина того времени, и Лавровъ стоялъ ни выше, ни ниже своихъ товарищей.

Человѣкъ онъ былъ вообще умный и хорошій юмористъ. Его рассказы о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку, часто были очень остроумны, такъ что слушались съ большимъ интересомъ. Особенно хорошо онъ зналъ жизнь помѣщиковъ за нѣсколько поколѣній. Особенной любовью онъ не пользовался, такъ какъ всѣ видѣли въ немъ человека сухого и корыстолюбиваго.

Полную противоположность ему представлялъ уѣздный врачъ

П. М. Циргъ, окончившій курсъ въ Дерптѣ въ двадцатыхъ годахъ. Это былъ человекъ добрый и вполнѣ безхарактерный. Онъ помогалъ всѣмъ, обращающимся къ нему за пособіемъ безъ различія богатыхъ и бѣдныхъ. Со всѣми онъ обращался благодушно и любезно.

Въ медицинскомъ развитіи, вѣроятно, онъ былъ не выше Лаврова, но въ то же время былъ хорошій акушеръ и въ силу своихъ нравственныхъ качествъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ. Нужно сказать, что въ то время русская медицинская литература была очень бѣдна не только оригинальными произведеніями, но и переводами. Медицинскихъ журналовъ вовсе не существовало, и только въ концѣ сороковыхъ годовъ д-ръ Грумъ-Гржимайло сталъ издавать газету „Другъ здравія“, имѣвшую скорѣе характеръ популярный, а не чисто-научный. Поэтому трудно винить тогдашнихъ врачей, особенно русскихъ, мало знакомыхъ съ иностранными языками, въ томъ, что они не шли впередъ въ научномъ своемъ развитіи. Живя среди общества малоразвитого, не интересовавшагося никакими ни политическими, ни общественными вопросами, и врачи мало-по-малу, принимали общую складку жизни, посвящая свободное время не научнымъ занятіямъ, а игрѣ въ карты, мѣстнымъ сплетнямъ и т. п.

Циргъ былъ очень оригиналенъ, но въ его оригинальныхъ выходкахъ высказывалась та же благородная, добродушная и незлобивая натура. Впрочемъ, въ юности онъ отдалъ дань привычкамъ своего времени и, будучи студентомъ, дрался на дуэли съ какимъ-то товарищемъ, который впоследствии былъ пасторомъ гдѣ-то въ Лифляндіи. Вслѣдствіе этой дуэли у него былъ большой шрамъ на лѣвѣ. Когда его спрашивали о причинахъ дуэли, онъ, добродушно улыбаясь, отвѣчалъ: „глупъ-съ былъ“.

Прямодушіе его было замѣчательно. Такъ однажды онъ лѣчилъ отъ какой-то хронической болѣзни управляющаго въ одномъ больномъ барскомъ имѣніи.

Когда болной умеръ, онъ попросилъ у жены его позволеніе вскрыть покойника. По вскрытіи онъ подошелъ ко вдовѣ и сказалъ: „Ну-съ, извините-съ, —совсѣмъ не отъ той болѣзни лѣчилъ вашего мужа“.

Немного найдется врачей, которые съ такой откровенностью признаются въ своей ошибкѣ. Въ Циргѣ же любовь къ правдѣ брала верхъ надъ самолюбіемъ и всякими иными соображеніями.

Городской врачъ Мацевичъ, также очень пожилой, былъ одинъ изъ тѣхъ неудачниковъ, которыхъ судьба бьетъ на каждомъ шагѣ.

Кончилъ онъ курсъ въ Петербургской Академіи въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, служилъ сначала въ какомъ-то гвардейскомъ полку, гдѣ и женился. Жена оказалась женщиной пустой, развратной и вдобавокъ пила запоемъ. Это заставило его выйти изъ военной службы и поселиться въ Торжкѣ. Тяжелая домашняя обстановка при его мягкомъ характерѣ страшно дѣйствовала на него. Онъ какъ-то опустился и потерялъ всякую энергію, а потому и въ публикѣ не имѣлъ особаго довѣрія. Лѣчилъ онъ только однихъ больныхъ и жилъ очень бѣдно.

Кромѣ того, въ городѣ было два военныхъ врача. Въ то время, когда я пріѣхалъ въ Торжокъ, старшимъ врачомъ полка былъ М. И. Ивановъ, окончившій курсъ въ Московской Академіи въ 1845-мъ году. По образованію онъ стоялъ, конечно, гораздо выше своихъ сосоварищей. Онъ былъ человѣкъ очень умный, но съ тяжелымъ неуживчивымъ характеромъ. Гордый, крайне самолюбивый, онъ не терпѣлъ никакого противорѣчія со стороны больныхъ и окружающихъ, терпѣть не могъ врачебныхъ консилиумовъ и относился къ своимъ товарищамъ съ нѣкоторой долей презрѣнія. Практиковалъ онъ среди людей богатыхъ; бѣдняки совсѣмъ къ нему не обращались. Вслѣдствіе всего этого его вообще не любили въ городѣ и обращались къ нему только въ крайности.

Жители уѣзда, за исключеніемъ помѣщиковъ, были лишены всякой медицинской помощи.

Уѣздный врачъ занимался почти исключительно судебно-медицинскими вскрытіями да нарядка выѣзжалъ на эпидеміи.

Вскрытія тогда производилось гораздо больше, чѣмъ теперь. Всякій случай скоростижной смерти, хотя бы и не было никакихъ признаковъ насилія или какого-нибудь подозрѣнія въ насильственной смерти, служилъ поводомъ для вскрытія тѣла. Эти безполезныя вскрытія часто были очень обременительны, особенно въ осеннее и весеннее время, такъ какъ приходилось иногда терять сутокъ двое или трое для вскрытія какого-нибудь старика, умершаго отъ разрыва или паралича сердца на глазахъ всей семьи. Выѣзды уѣзднаго врача на эпидеміи мало приносили пользы населенію. Получивъ донесеніе о появленіи болѣзни большею частію запоздалое, полицейское управленіе сообщало объ этомъ врачу. Тотъ, пріѣхавъ на мѣсто, осматривалъ больныхъ, прописывалъ имъ лѣкарства, рецепты которыхъ

передавалъ старостѣ, чтобы по нимъ взять лѣкарства въ вольной аптекѣ. Затѣмъ давалъ кое-какія наставленія относительно содержанія больныхъ и мѣръ изоляціи, если болѣзнь того требовала, и въ заключеніе составлялъ протоколъ, который отправлялъ въ полицейское управленіе. Лѣкарства по ихъ дороговизнѣ не покупались, а совѣты, данныя врачомъ, оставались безъ выполненія, такъ какъ за этимъ наблюдать было некому. Самъ же врачъ уважалъ въ городѣ.

ГЛАВА IV.

Дворянскій и крестьянскій бытъ передъ реформой.

Дворянъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ жило довольно много. Особенно богатыхъ людей между ними насчитывалось немного, большею частію это были помѣщики средней руки, имѣвшіе отъ двухъ-до трехсотъ душъ крестьянъ.

Дворянство, вообще, было довольно образовано. Между ними было нѣсколько человекъ, окончившихъ университетъ. Всѣ помѣщики жила почти круглый годъ въ своихъ усадьбахъ, занимаясь хозяйствомъ, ѣздили другъ къ другу въ гости и играли въ карты.

Въ каждомъ домѣ можно было найти какой-нибудь журналъ: „Современникъ“ или „Русскій Вѣстникъ“, въ которомъ помѣщались, между прочимъ, „Губерскіе очерки“ Щедрина и который былъ тогда въ лучшемъ либеральномъ періодѣ своего существованія. Въ нѣкоторыхъ домахъ можно было найти „Revue des deux mondes“ и французскіе романы. Все это вело, конечно, къ развитію среди общества помѣщиковъ западно-европейскихъ идей и болѣе правильныхъ взглядовъ на общественныя отношенія. Славянофиловъ я почти не встрѣчалъ между ними. Въ силу такого развитія и отношенія къ крестьянамъ были довольно человѣчны.

Хозяйство, впрочемъ, велось почти вездѣ рутинно по старой трехпольной системѣ. Въ большинствѣ имѣній была барщина. При такихъ условіяхъ крестьянамъ въ хорошихъ имѣніяхъ, особенно тамъ, гдѣ не было имѣнцевъ-управителей, жилось не худо. Всего хуже было имъ у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, гдѣ съ нихъ выжимали, что называется, всѣ соки. Были имѣнія, въ которыхъ мужикъ работалъ всѣ шесть дней на помѣщика.

На обработку своей земли ему оставались только воскресенья и ночи.

Въ такихъ имѣніяхъ и всероссійская панацея-рогга примѣнялась перѣдко. Два имѣнья въ то время были взяты подъ опеку за жестокою обращеніемъ съ крестьянами. По зимамъ нѣкоторыя семейства жили въ городѣ или прѣзжали туда на время, чтобы поиграть въ карты и доставить дочерямъ возможность повеселиться въ мѣстномъ клубѣ, гдѣ онѣ танцовали съ офицерами уланскаго полка (штатскихъ кавалеровъ тогда не было). Въ городѣ жили довольно скромно. О прежней широкой и привольной помѣщичьей жизни оставались только одна преданья. Такъ какъ имѣнья были заложены въ Опекунскомъ Совѣтѣ, и сама жизнь становилась съ каждымъ днемъ дороже, то приходилось по необходимости сдерживаться, особенно въ ожиданіи будущей реформы, которая при всей нашей „рассейской“ безопасности все-таки заставляла многихъ привадуматься о будущемъ.

Предводителемъ дворянства былъ тогда довольно богатый помѣщикъ Н. А. Загряжскій, человекъ преклонныхъ лѣтъ, довольно равнодушный ко всему, что дѣлалось кругомъ. Впрочемъ, онъ былъ человекъ добрый, вовсе не тщеславный и былъ любимъ всѣми, кто его зналъ. Всѣ называли его „папочкой“.

Дѣлами, какъ своими, такъ и общественными, онъ занимался очень мало, да и самая должность предводителя не имѣла тогда такого значенія, какъ теперь, такъ что дѣловыя бумаги могли лежать по нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякаго движенія.

Собственное его хозяйство велось приказчиками, которые, впрочемъ, не особенно притѣсняли крестьянъ, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ особенно требователенъ, и каждый имѣлъ къ нему свободный доступъ.

Года за два до эмансипаціи онъ вздумалъ перевести шесть крестьянскихъ дворовъ изъ своей усадьбы Селихово въ другую деревню, такъ какъ дворы эти дѣйствительно стѣсняли его усадьбу. Онъ выстроилъ для нихъ въ другой деревнѣ новые дворы со всѣми нужными постройками, давалъ имъ по триста рублей на перевозку и землю въ количествѣ большемъ противъ того, чѣмъ они пользовались въ Селиховѣ. Но крестьяне заупрямились, и Загряжскій спокойно безъ всякихъ споровъ подчинился ихъ желанію переселяться, не прибѣгая ни къ какимъ принудительнымъ мѣрамъ.

Какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, онъ почти не выходилъ изъ дома, сидѣлъ вѣчно въ бѣличьемъ халатѣ на одномъ и

томъ же креслѣ, пилъ часа два утренній чай, потомъ закусывалъ и обѣдалъ на томъ же мѣстѣ, затѣмъ отдыхалъ послѣ обѣда. Послѣ отдыха опять началось чаепитіе и закусыванье; затѣмъ онъ мирно отходилъ ко сну. Когда къ нему приходилъ его секретарь съ бумагами, онъ прежде всего угощалъ его закуской, а потомъ приказывалъ положить дѣла на фортепьяно, стоявшее тутъ же въ комнатѣ, приговаривая: „Эхъ, Владыміръ! дѣло не волякъ,—въ лѣсъ не убѣжить!“ и только послѣ долгихъ и настоятельныхъ убѣжденій подписывалъ двѣ-три самыхъ нужныхъ бумаги.

Блаженныя то были времена, когда можно было жить и служить спустя рукава.

ГЛАВА V.

Хотя съ каждымъ днемъ приближалось наступленіе эмансипаціи, власти тѣмъ не менѣе поддерживали крѣпостное право во всей его строгости. Расскажу по этому поводу два эпизода, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, хотя первый изъ нихъ принадлежитъ собственно не къ новоторжскому періоду моей жизни.

Въ январѣ 1859 года три роты Ладожскаго пѣхотнаго полка, гдѣ я тогда служилъ, были командированы изъ города Радомысля въ село Нѣмовичи Ровенскаго уѣзда въ имѣніе Кашовскаго для усмиренія, такъ называемаго, крестьянскаго бунта. Я долженъ былъ отправиться съ этими ротами, какъ врачъ.

Отъ Радомысли до мѣста нашего назначенія было около четырехсотъ верстъ. Мы ѣхали на крестьянскихъ подводяхъ, на саняхъ. Большая часть дороги шла старыми вѣковыми лѣсами, которые почти сплошною массою занимали тогда всю сѣверную часть Волинской губерніи. Цѣлы ли теперь эти роскошные лѣса. Зима была мягкая и не особенно снѣжная. Къ вечеру четвертаго дня мы остановились въ селѣ Тиголицы или Тимолицы, въ двадцати верстахъ отъ Нѣмовичей. Тутъ ожидалъ насъ становой приставъ съ распоряженіемъ волинскаго губернатора, который былъ уже въ Нѣмовичахъ. По распоряженію губернатора мы должны были прибыть въ Нѣмовичи на другой день часамъ къ десяти утра и остановиться на опушкѣ лѣса близъ часовни, или каплицы, и тамъ ждать его дальнѣйшихъ распоряженій. Изъ Тимолицъ мы вышли часу въ шестомъ утра и прибыли въ началѣ десятаго къ часовнѣ.

Здѣсь роты остановились. Отъ часовни шла прекрасная ровная дорога къ панскому дому, обсаженная съ обѣихъ сторонъ

пирамидальными тополями и другими деревьями умереннаго климата. Соскучившись стоять у часовни, я пошелъ къ панскому дому, отстоявшему отъ нея версты на полторы. По дорогѣ не было никакого движенія, я никого не встрѣтилъ и ни отъ кого ничего не могъ узнать. Войдя въ обширный дворъ панской усадьбы, обнесенный каменною полуостѣною съ желѣзными рѣшетками, я увидалъ тамъ громадную толпу крестьянъ сотъ до пяти или шести человекъ, стоявшихъ съ обнаженными головами передъ домомъ. Тутъ же я встрѣтилъ какого-то двороваго въ ливреѣ, который на мой вопросъ, что это за люди, отвѣчалъ мнѣ, что это „бунтовщики“. Я думалъ сначала, что встрѣчу буйную и шумную толпу, а между тѣмъ передо мною были люди, стоявшіе, смиренно понуривъ головы, съ унылыми и мрачными лицами „Ну, подумалъ я, гдѣ и когда видали бунтовщиковъ съ обнаженными головами и съ такимъ смиреннымъ и подавленнымъ видомъ?“ Войдя черезъ огромное крыльцо панскаго дома въ громадную переднюю, я встрѣтилъ тамъ лакея, который указалъ мнѣ отведенную для меня комнату въ одномъ изъ крыльевъ панскаго дома, изъ которой открывался видъ на громадный старинный садъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ другой лакей и сказалъ мнѣ, что его сіятельство губернаторъ просилъ меня къ себѣ.

Прицѣпивъ къ вицъ-мундиру шпаженку, я пошелъ въ домъ и въ одномъ изъ вѣвъ встрѣтилъ князя Друцкаго-Соколинскаго, тогдашняго волынскаго губернатора, въ мундирѣ и съ красной лентой черезъ плечо. Это былъ человекъ довольно ограниченнаго ума и развитія, не знавшій между прочимъ даже различія между планетами и кометами. Я самъ слышалъ, какъ въ Житомирскомъ саду онъ называлъ знаменитую комету 57 года планетой.

Его сіятельство изволили мнѣ объяснить, что сейчасъ начнется экзекуція и что я долженъ на всякій случай присутствовать при ней въ качествѣ врача. „Какіе, подумалъ я, заботливые люди—собираются пороть людей и на всякій случай приглашаютъ врача“.

Что такое экзекуція—я слышалъ уже раньше, но то, что я увидалъ здѣсь, было до такой степени ужасно и отвратительно, что трудно и рассказывать.

Вскорѣ прибыли наши роты съ ружьями съ примкнутыми штыками и окружили дворъ. Затѣмъ губернаторъ вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи жандармскаго штабъ-офицера, исправнива и нѣсколькихъ чиновниковъ и приказалъ крестьянамъ

стать на колѣни, что толпа смиренно исполнила; часть солдатъ была введена во дворъ и поставлена около крыльца, вѣроятно, для охраны его сіятельства и свиты, въ которой, между прочимъ, былъ какой-то быкообразный господинъ въ черномъ фракѣ, будущій владѣлецъ села Нѣмовичи, и нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ, приглашенныхъ зачѣмъ-то администраціей. Губернаторъ приказалъ исправнику, приземистому господину лѣтъ пятидесяти, съ волосами, остриженными подъ гребенку, съ бритыми усами и бородой и подобострастнымъ чисто чиновничьямъ выраженьемъ лица, прочесть какія-то бумаги. Это былъ указъ гражданской палаты объ утвержденіи духовнаго завѣщанія умершаго помѣщика Игнатія Кашовскаго, по которому все имѣніе Нѣмовичи съ землею, поселенными на ней крестьянами, около двухъ тысячъ душъ, со всѣми угодьями, отказывалось, помимо другихъ наслѣдниковъ, племяннику его Михаилу Кашовскому въ полную собственность и распоряженіе. Крестьяне, стоя на колѣнахъ, выслушали чтеніе повидимому безучастно. Губернаторъ, представляя имъ новаго помѣщика, объяснялъ суть завѣщанія и спросилъ ихъ, будутъ ли они слушаться пана?

Вся толпа въ одинъ голосъ отвѣчала: „вѣ, кажи, нашъ панъ не сей, а Людвигъ Кашовскій“. Губернаторъ два раза повторилъ вопросъ и оба раза получилъ тотъ же отвѣтъ. Тогда стали спрашивать крестьянъ по одиночкѣ; каждый отвѣчалъ: „Якъ грамода (міръ) каже“. Спросивши чловѣкъ пятнадцать и получая все тотъ же отвѣтъ, его сіятельство изволили осерчать и громогласно закричалъ: „розогъ!“

Тогда вдругъ откуда-то выскочили чловѣкъ 20—30 сотскихъ и такъ называемыхъ земскихъ стражниковъ, и началась порка страшная, безумная, злая. Удары сыпались безъ счету. Отпустивъ нѣсколько десятковъ розогъ, подымали наказуемаго и снова спрашивали его, будетъ ли онъ слушать пана? И, получивъ все тотъ же отвѣтъ: „якъ грамода каже“, снова возобновляли порку. Цороли съ наступленіемъ до обмороковъ, но ни одного стопа не вырывалось изъ груди этихъ мучениковъ. Вокругъ ограды собралось нѣсколько десятковъ женщинъ, жейъ и дочерей истязуемыхъ; онѣ, разумѣется, плакали, шумѣли, старались ворваться во дворъ, конечно, безуспѣшно. Вдругъ съ сельской колокольни раздался набатъ. Губернаторъ приказалъ привести тѣхъ, кто звонилъ. Тогда солдаты привели чловѣкъ пятнадцать женщинъ.

Губернаторъ попросилъ меня осмотрѣть, нѣтъ ли между

ними беременныхъ. Я отдѣлилъ пять или шесть, оказавшихся беременными, остальныхъ же губернаторъ приказалъ высѣчь. Тогда и беременныя съ дикими воплями легли на землю и требовали, чтобы и ихъ пороли, что, впрочемъ, не было исполнено. Борка мужиковъ между тѣмъ шла своимъ чередомъ и продолжалась часовъ до пяти, до самаго обѣда. Когда всѣхъ перепороли, мы всѣ вошли въ домъ, а мужиковъ губернаторъ оставилъ на дворѣ, гдѣ они провели всю ночь голодные и холодные, такъ какъ онъ приказалъ ихъ не отпускать. Войдя въ домъ, я встрѣтилъ почтеннаго старичка въ вицъ-мундирѣ, который отрокомендовался мнѣ какъ ровенскій уѣздный врачъ, также приглашенный на экзекуцію. Когда я его спросилъ, гдѣ же онъ былъ все время, онъ отвѣчалъ, что просидѣлъ во внутреннихъ покояхъ съ графиней и бесѣдовалъ съ ней о французской литературѣ для успокоенія ея нервъ. Въ то время всѣхъ богатыхъ помѣщиковъ въ тѣхъ краяхъ называли графами. Счастливыцы графиня и докторъ, могущіе толковать о французской литературѣ, когда кругомъ истязаютъ сотни людей.

Насъ пригласили къ обѣду, накрытому въ огромной залѣ, великолѣпно освѣщенной старинными люстрами и канделябрами. Когда всѣ перезнакомились и усѣлись за столъ, изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ губернаторъ, ведя подъ руку красивую, роскошно одѣтую даму лѣтъ сорока съ гордымъ выраженіемъ лица. Это была графиня, супруга Михаила Кошевскаго. Величественно кивнувъ всѣмъ головою, она сѣла за столъ на хозяйскомъ мѣстѣ.

Когда начался обѣдъ, въ сосѣдней комнатѣ раздавалась музыка, и полились чудные звуки такой-то шопеновской мазурки, разыгрываемой крѣпостнымъ оркестромъ.

Предоставляю вамъ судить о томъ, какой эффектъ должно было производить сочетаніе Шопена и розогъ; думаю, что никогда и нигдѣ несчастный Шопень не разыгрывался подъ такой аккомпанементъ.

По окончаніи обѣда я ушелъ въ отведенный мнѣ номеръ. Подавленный, ошеломленный всѣмъ видимымъ мною, я былъ какъ въ чадѣ. Что это—галлюцинація или дѣйствительность? Мнѣ хотѣлось кое-что разузнать объ этой исторіи, но, къ сожалѣнію, всѣ лакеи были заняты; изъ нашихъ офицеровъ, которыхъ было человѣкъ восемь или девять, также никто ничего не зналъ.

Къ чести ихъ надо сказать, что всѣ они были также пора-

жены и возмущены всѣмъ происшедшимъ. Проснувшись на другой день часовъ въ восемь, я увидалъ, что толпа крестьянъ стоитъ еще на дворѣ. Я подошелъ къ нимъ и сталъ ихъ уговаривать. Они смотрѣли на меня съ сумрачными лицами. Когда же я сказалъ: „Какъ же вы не хотите повиноваться, когда самъ губернаторъ говорилъ вамъ объ этомъ?“ нѣсколько изъ нихъ со свойственной хохламъ добродушно проницательною улыбкою, отвѣчали: „Якій се губернаторъ? Коюсь беребралы? (передѣли) къ намъ губернаторъ пріѣде изъ Питера отъ Царя“.

Снова вышелъ губернаторъ на крыльцо и обратился къ крестьянамъ съ тѣми же вопросами, какъ и наканунѣ. Получивъ тѣ же отвѣты, онъ снова велѣлъ свѣчь ихъ, и снова началась безобразная, возмутительная порка. Вѣроятно, губернаторъ рассчитывалъ, что ослабленные вчерашней поркой, голодные и холодные послѣ безсонной ночи они скорѣе сдадутся.

Человѣкъ 5 или 10, опустивши глаза, почти неслышно проговорили: „Будемо“, остальные по-прежнему отвѣчали отказомъ. Тогда опять всѣхъ перепороли, послѣ чего губернаторъ велѣлъ отобрать такъ называемыхъ зачинщиковъ, которыхъ оказалось человѣкъ двѣнадцать, и заковать ихъ въ кандалы, затѣмъ ихъ бросили въ подвалъ помѣщичьяго дома, обращенный на время въ тюрьму послѣ чего, его сіятельство изволило отбыть. Такъ окончился второй день генеральнаго сраженія. Побѣдители, т. е. чиновники и самъ панъ Кашовскій, ходили съ ликующими лицами, довольные своей побѣдой. Затѣмъ началось сраженіе на гражданскомъ полѣ, т. е. судебное слѣдствіе. Суть дѣла была въ слѣдующемъ: умершій Кашовскій, по словамъ одного изъ его родныхъ, съ которымъ я послѣ познакомился, происходилъ изъ богатой польской семьи и получалъ превосходное французское образованіе, какакое обыкновенно получали дѣти богатыхъ дворянъ конца XVIII и начала XIX столѣтія. Въ молодости онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, затѣмъ вернулся на родину и здѣсь засѣлъ навсегда среди своихъ польскихъ лѣсовъ.

Будучи старымъ холостякомъ, онъ взялъ на воспитаніе старшаго сына М. Кашовскаго, Людвигъ, который приходился ему такимъ образомъ внучатымъ племянникомъ, далъ ему прекрасное домашнее воспитаніе и такъ любилъ его, что не расставался съ нимъ до самаго его поступленія на военную службу. Во время нашего разказа Людвигъ Кашовскій былъ поручикомъ какого-то гусарскаго полка.

Старикъ часто гулялъ съ нимъ по деревнѣ и въ разгово-

рахъ съ крестьянами всегда называлъ его своимъ наследникомъ, такъ что крестьяне давно уже привыкли смотрѣть на него, какъ на своего будущаго помѣщика, и любили его, такъ какъ это былъ молодой человекъ мягкій и добродушный.

Самъ старикъ Кашовскій, по рассказамъ, былъ человекъ очень добрый, но очень лѣнивый. Въ управленіе имѣнья онъ входилъ очень мало, а подъ старость одряхлѣлъ и сдѣлался малоподвижнымъ, вслѣдствіе чего совсѣмъ пересталъ заниматься дѣлами, предоставивъ завѣдываніе ими нѣкому дворянину Вывѣрковскому.

Тутъ-то начались страшныя безобразія. Хитрый, пронырливый и жадный до денегъ, Вывѣрковскій, совершенно овладѣлъ старикомъ, сумѣлъ перессорить и оттолкнуть его отъ всѣхъ родныхъ, такъ что сдѣлался полновластнымъ и безотчетнымъ хозяиномъ имѣнья. Конечно, крестьянамъ и раньше жилось не особенно легко, но при Вывѣрковскомъ, который завѣдывалъ имѣньемъ болѣе десяти лѣтъ, тягость положенія сдѣлалась невыносимой. По слѣдствію, напирямѣрь, оказалось, что крестьяне, кромѣ барщины и другихъ обязанностей, должны были заниматься сплавомъ лѣса до Нѣмана по рѣкамъ Гордыню и Случу, впадающему въ Нѣманъ.

Такъ какъ лѣсъ составлялъ самую доходную статью имѣнья, то ежегодно извѣстная часть его вырубалась и продавалась лѣсоторговцамъ, болѣею частью евреямъ. Для сплава занимались мѣстные крестьяне отъ десяти до пятнадцати рублей человеку за время отъ начала сплава до конца его, при чемъ крестьянамъ выдавалось только по три рубля на человека, а остальные поступали будто бы въ господскую экономію, но, какъ оказалось, самъ Кашовскій ничего не зналъ объ этой операциіи, и выручаемая съ крестьянъ денга нигдѣ не записывалась на приходъ. За крестьянъ же, уходившихъ съ лѣсомъ, должны были отбывать барщину ихъ семьи. Подобнаго рода порядки были и по другимъ частямъ управленія, но самое главное и самое страшное было — эротическія похищенія самаго Вывѣрковскаго и его клеветовъ.

Онъ приказывалъ приводить къ себѣ на смотръ молодыхъ дѣвушекъ, записывалъ наиболѣе красивыхъ и затѣмъ требовалъ ихъ къ себѣ. Еще во время производства слѣдствія онъ успѣлъ лишить невинности одну четырнадцати-лѣтнюю дѣвочку, которую я самъ свидѣтельствовалъ, за что онъ и былъ арестованъ.

До Кашовскаго о всѣхъ этихъ безпорядкахъ ничего не доходило. Такъ какъ онъ никуда не выходилъ дальше ограды своей

усады, то Вывѣрковскій сумѣлъ окружить его надзоромъ изъ преданныхъ ему, Вывѣрковскому, людей. Если же случайно какой-нибудь крестьянинъ прорывался до него съ жалобой на управляющаго, то Кашовскій не вѣрялъ этимъ жалобамъ, потому что Вывѣрковскій со своей стороны всегда умѣлъ опровергаться. Такъ тянулось дѣло болѣе десяти лѣтъ. Наконецъ, выведенные изъ терпѣнія крестьяне рѣшили подать жалобу губернатору. Нашелся какой-то отставной военный писарь, который написалъ имъ эту жалобу. Крестьяне выбрали изъ своей среды трехъ до-вѣренныхъ, тотъ же писарь написалъ имъ фальшивые паспорта, такъ какъ получить настоящіе отъ Вывѣрковскаго было невозможно, и снабдилъ эти паспорта фальшивыми копченными печатями, на которыхъ помѣщичій гербъ былъ имъ очень искусно поддѣланъ. Но до губернатора ихъ не допустили, такъ какъ Вывѣрковскій, узнавъ объ ихъ отъѣздѣ въ Житомиръ, тотчасъ же поскакалъ за ними и за двѣ или три станціи до Житомира арестовалъ ихъ при помощи своего пріятеля станового пристава, и ихъ подъ конвоемъ возвратили въ Нѣмовичи. Но боясь, что его злоупотребленія будутъ раскрыты, въ случаѣ преданья крестьянъ суду, Вывѣрковскій не далъ этому дѣлу никакого хода, оставивъ, впрочемъ, паспорта у себя. Въ это время умеръ старикъ Кашовскій. Тотчасъ же прилетѣлъ въ Нѣмовичи М. Кашовскій съ женою и какимъ-то адвокатомъ. Раньше М. Кашовскій не былъ у дяди уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Дали вѣсть полиціи о смерти старика; пріѣхалъ предводитель дворянства съ полиціей; на слѣдующій день вскрыли кабинетъ покойника и нашли тамъ завѣщаніе, по которому все имѣніе поступило въ полную собственность М. Кашовскаго. Какъ только узнали объ этомъ крестьяне, они снова попросили писаря написать имъ прошеніе губернатору и паспорта, что тотъ и исполнялъ.

Чтобы не попасться въ руки Вывѣрковскому, они отправились другой дорогой. Въ прошеніи они заявляли, что завѣщаніе Кашовскаго—фальшивое, что настоящее завѣщаніе составлено въ пользу Д. Кашовскаго, и описывали всѣ злоупотребленія Вывѣрковскаго. Хотя у послѣдняго была сильная поддержка среди губернскихъ чиновниковъ, но во всякомъ случаѣ губернаторъ впредь до разбора дѣла приказалъ временно устранить Вывѣрковскаго, и администраторомъ имѣнья былъ назначенъ сосѣдній помѣщикъ Шычевскій. Тутъ крестьяне попали изъ огня да въ полымя; это былъ старикъ лѣтъ 70-ти, отставной полковникъ, выросшій въ школѣ Аракчеева. — Худой, но еще очень крѣпкій, съ острыми чертами лица, подстриженными ще-

тинистыми усами, жесткій по характеру. Онъ ввелъ въ своемъ имѣніи какую-то Аракчеевскую дисциплину; крестьяне выходили на барщину по барабанному бою, во всѣхъ избахъ было введено полвѣйшее одвообразіе; всѣ крестьяне должны были ходить въ однообразныхъ, сшитыхъ по образцу, данному Шычевскимъ, костюмахъ. Даже пища должна была приготовляться во всѣхъ избахъ однообразная, для чего Шычевскій разсылалъ съ вечера по избамъ приказы.

Все имѣніе его—около шестисотъ душъ, находилось въ одномъ селѣ. Шычевскій каждое утро обходилъ большую часть избъ, осматривалъ печи, и если находилъ что-нибудь изготовленное не по его приказу, то сейчасъ же наказывалъ хозяйку двумя-тремя ударами вагайки. Это былъ какой-то фанатикъ аракчеевщины; даже жена его должна была одѣваться по его расписанію. Разумѣется, тѣ же порядки онъ началъ заводить и въ Нѣмовичахъ.

О самомъ М. Кашовскомъ, которому было завѣщено имѣніе, ходили по всей округѣ слухи самые неблагоприятныя. Небольшого роста, тучный съ короткой шеей, краснолицый, съ выпученными воловьими глазами, онъ скорѣе былъ похожъ на быка или борова, а не на человѣка. Онъ даже говорилъ какъ-то особенно, какъ будто-то бы ему трудно было произносить слова. А между тѣмъ въ молодости онъ получилъ порядочное образованіе, слушалъ лекціи въ какомъ-то германскомъ университетѣ, но, живя въ глуши Волынскаго Полѣсья, среди безгласныхъ рабовъ, онъ потерялъ человѣческій образъ. Также онъ былъ не безъ грѣха по эротической части, хотя у него была красавица жена, гораздо моложе его.

И вотъ въ руки этихъ двухъ изверговъ попали Нѣмовицкіе крестьяне. А между тѣмъ дѣло объ утвержденіи завѣщанія шло своимъ порядкомъ, такъ какъ заявленіе крестьянъ о фальшивости завѣщанія было оставлено безъ послѣдствій. Тогда-то крестьяне заволновались. Съ одной стороны они помнили, что старикъ Кашовскій всегда называлъ имъ своимъ наследникомъ Людвигъ Кашовскаго, о которомъ у нихъ сохранились самая лучшія воспоминанія, и который по общему отзыву былъ дѣйствительно человѣкъ очень порядочный, гуманный и мягкій; съ другой стороны упорные слухи о томъ, что завѣщаніе составлено въ ночь смерти старика М. Кашовскимъ съ женою и пріѣхавшимъ адвокатомъ, глубоко засѣли въ головы крестьянъ.

Тогда они на совѣтѣ между собой рѣшили признать своимъ паномъ не Михаила, а Людвигъ Кашовскаго. Надо сказать,

что послѣдній былъ сынъ М. Кашовскаго отъ перваго брака. Послѣ этого, они рѣшили послать двухъ ходатаевъ въ Петербургъ. Когда завѣщаніе было утверждено, и исправникъ приѣхалъ вводить во владѣніе М. Кашовскаго, крестьяне единогласно заявили ему свое рѣшеніе не признавать послѣдняго, и, такимъ образомъ, началось настоящее дѣло. Я прожилъ послѣ того въ Нѣмовичахъ мѣсяца три. Слѣдствіе велось довольно добросовѣстно жандармскимъ офицеромъ Бѣловодскимъ и ассесоромъ губернскаго правленія Козловскимъ. По окончаніи слѣдствія, двѣнадцать человѣкъ, признанныхъ зачинщиками, писарь, писавшій жалобы и паспорта, в Выѣрковскій были отправлены въ тюрьму. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла я подробныхъ свѣдѣній не имѣю, такъ какъ скоро былъ переведенъ на службу въ Россію.

Изъ писемъ одного сосѣдняго помѣщика, съ которымъ я тамъ познакомился, я узналъ впрочемъ, что арестованные крестьяне были сосланы въ Сибирь, а Выѣрковскій въ тюрьмѣ отравился. Что касается завѣщанія, то оно осталось въ силѣ, такъ какъ крестьяне ничѣмъ не могли доказать его фальшивости. И такимъ образомъ они достались М. Кашовскому.

Какъ имъ жилось подъ властью этого чурбана—догадаться не мудрено. Къ счастью ихъ, скоро наступила эмансипація. Теперь, спрашивается, на сколько нужны были всѣ эти неустойчивости и жестокости, съ которыми велось дѣло? Неужели не было другихъ болѣе мягкихъ и мирныхъ средствъ для усмиренія крестьянъ? Мнѣ кажется, побольше терпѣнія и любви къ нимъ, и можно бы обойтись безъ этихъ воевъ ровогъ и всѣхъ неустойчивствъ, особенно на порогѣ 19-го февраля.

Теперь опишу второй случай. Въ іюлѣ 60 года два эскадрона уланскаго полка, подъ командой полковника Носовича, были отправлены въ Бѣжецкій уѣздъ въ имѣніе Зиновьева, занимавшаго довольно видное мѣсто при дворѣ.

Имѣніе это было оброчное, заключало около двухъ тысячъ душъ и состояло изъ семи деревень. Крестьяне, крайне недовольные разнаго рода злоупотребленіями и издѣливыми поборами своего бурмистра, самовольно смѣнили его и, собравши весенній оброкъ, поручили доставить его въ Петербургъ барину черезъ избраннаго ими бурмистра, при чемъ никакихъ безпорядковъ ими не было произведено. Зиновьевъ, признавъ въ этомъ нарушеніе своей помѣщичьей власти, не принявъ отъ крестьянъ оброка и сообщилъ объ этомъ тверскому губернатору графу Баранову.

прося его возстановить во власти стараго бурмистра. Крестьяне, конечно, не согласились на это.

Барановъ послалъ для увѣщанья крестьянъ жандармскаго полковника Симоновскаго, человека хитраго и очень ловкаго, но, увы, сему воспитаннику іезуитовъ не удалось убѣдить крестьянъ подчиниться требованію помѣщика.

Тогда по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ были командированы два нашихъ эскадрона и размѣщены по деревнямъ. Тутъ началось слѣдствіе, изъ котораго, кромѣ разсказанныхъ нами фактовъ, выяснилось только то, что крестьяне, посылая въ Петербургъ выбранныхъ ими лицъ, самовольно отобрали у бывшаго бурмистра печать помѣщичьей экономіи и приложили ее къ паспортамъ, которые были выданы лицамъ, отправленнымъ въ Петербургъ съ оброкомъ. Симоновскому, кромѣ того, очень хотѣлось открыть зачинщиковъ этого дѣла, для чего онъ, конечно, хотѣлъ прибѣгнуть къ *ultima ratio* тогдашняго слѣдственнаго порядка, т. е. къ розгамъ, но къ счастью ему помѣшалъ въ этомъ его товарищъ по слѣдствію, чиновникъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Дмитрій Петровичъ Тыртовъ, человекъ очень милый и образованный, умершій впоследствии прокуроромъ Казанскаго окружнаго суда.

Впрочемъ, Симоновскому удалось сорвать свой гнѣвъ на одномъ допрашиваемомъ имъ мужичкѣ. Въ то время, когда сей злобредный бунтовщикъ стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ, отрицая свое участіе въ выдачѣ паспортовъ, Симоновскій въ пылу негодованія такъ усердно ударилъ его въ подбородокъ своимъ высокоблагороднымъ колѣномъ, что у него самого сдѣлалась контузія на колѣнѣ. Не знаю, занесена ли эта почтенная контузія въ формулярный списокъ Симоновскаго.

Дѣло было кончено административнымъ порядкомъ, т. е. человекъ 30, признанныхъ наиболѣе виновными, подвергли тѣлесному наказанію, а человекъ 40 болѣе или менѣе продолжительному аресту. При этомъ случилась одна курьезная сцена: осматривая по обязанностямъ врача присужденныхъ къ тѣлесному наказанію, я нашелъ между ними мальчика 14 или 15-ти лѣтъ. На мой вопросъ, какъ онъ попалъ сюда? онъ отвѣчалъ, что matka послала его вмѣсто отца, который поѣхалъ по дѣламъ въ Тверь. Когда я сказалъ объ этомъ Симоновскому, онъ прогналъ мальчика со словами: „Пошолъ прочь, негодяй, съ этихъ поръ уже учишься обманывать начальство“. Послѣ этого Симоновскій пронавелъ чувствительную рѣчь о повинновеніи начальству, разу-мѣется, возстановилъ во власти стараго бурмистра. И все это

совершалось наканунѣ 19-го февраля. Объ этомъ дѣлѣ было напечатано только въ „Колоколѣ“, въ русскихъ же газетахъ о немъ не упоминалось.

Вѣроятно, подобныя исторіи встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ, только печать не смѣла касаться ихъ.

У насъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ на стражѣ крѣпостного права стоялъ исправникъ, Николай Матвѣевичъ Швейковскій. Это былъ человѣкъ твердо убѣжденный въ томъ, что безъ крѣпостного права Россія существовать не можетъ, и поэтому строго и систематически преслѣдовалъ всякое нарушеніе его. Какъ человѣкъ умный, онъ умѣлъ это дѣлать такъ, что не вызывалъ большого ропота среди крестьянъ. Онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ поборамъ съ нихъ и ни съ какимъ колебаніемъ ни въ ту, ни въ другую сторону, вслѣдствіе чего выбирался исправникомъ около тридцати лѣтъ, пользовался общимъ уваженіемъ. Сама фигура его была внушительна: высокій брюнетъ съ сильною просѣдью, съ густыми, торчащими кверху, волосами. Голова у него была квадратная, какъ у римскихъ статуй, правильный лобъ, густыя нависшія брови, черные умные глаза съ выраженіемъ твердости, но не жестокости, спокойно и самоувѣренно смотрѣвшіе на васъ, высокая могучая грудь,—все это придавало ему чрезвычайно внушительный видъ. Говорилъ онъ спокойно, съ легкимъ юморомъ и никогда не выходилъ изъ себя. Крестьяне боялись, но и уважали его, такъ какъ онъ никогда не измѣнялъ данному имъ слову, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже ходили совѣтоваться съ нимъ. Большинство помѣщиковъ любило его. Законы онъ зналъ прекрасно и никогда не отступалъ отъ буквы ихъ. Его глазъ проникалъ всюду, во всѣ закоулки администраціи и всѣ отрасли полицейскаго управленія. Дороги, содержаніе переправъ, подворная повинность, лежавшія въ то время на крестьянахъ, все это, по крайней мѣрѣ по наружности, было въ исправности. И все это онъ умѣлъ дѣлать какъ-то во-время, не обременяя особенно крестьянъ. Взятки, въ собственномъ смыслѣ этого слова, онъ не бралъ, но пользовался, конечно, тѣми разнообразными доходами, которые въ то время считались безгрѣшными доходами отъ откупа, съ разнаго рода казенныхъ подрядовъ, съ содержанія земскихъ большихъ дорогъ и т. п. Вѣроятно, что большія помѣщичьи экономіи, въ которыхъ при тогдашнемъ положеніи дѣлъ возникали медкія помѣщичьи недоразумѣнія, платили ему извѣстную определенную

подать. Говорятъ, что въ то время, когда опеки надъ дворянскими имѣніями были въ вѣдѣваніи земскаго суда, онъ былъ не совсѣмъ чистъ и по этой части, но мы не знаемъ этого на-вѣрное. Всякія, даже малѣйшія нарушенія крѣпостного права онъ преслѣдовалъ со строгостью и настойчивостью. За нѣсколько лѣтъ до нашего разсказа былъ убитъ одинъ изъ довольно крупныхъ помѣщиковъ М. П. П.

Причиной убійства, какъ говорили, было не столько жестокое обращеніе съ крестьянами, сколько разнаго рода эротическія похищенія покойнаго. Убіеніе было совершено такъ искусно и аккуратно, что, несмотря на всѣ розыски и инквизиціонныя мѣры, исправнику болѣе мѣсяца ничего не удавалось открыть. Наконецъ какая-то случайность, болтовня какой-то бабенки въ трактирѣ или двухъ пьяныхъ мужиковъ, указала на преступника, служившаго у П. поваромъ.

На этомъ можно бы и остановиться, но хотѣлось открыть во что бы то ни стало всѣхъ участниковъ преступленія. Тогда Швейковскій отправился въ усадьбу убитаго, перепоролъ тамъ множество лицъ и наконецъ таки добился открытія остальныхъ участниковъ преступленія. Порки, какъ мнѣ разсказывали потомъ, производилась по нѣсколько разъ въ день, при чемъ ни на возрастъ, ни на полъ, ни на здоровье подвергаемыхъ цыткъ не обращали никакого вниманія.

За мелкія нарушенія крѣпостного права, виновные, конечно, также подвергались розгамъ въ меньшихъ размѣрахъ. При этомъ бывали иногда замѣчательные курьезы. Сосѣдній съ Торжкомъ помѣщикъ, очень богатый человѣкъ, имѣвшій большую дворню, утромъ посылаетъ своего двороваго человѣка съ письмомъ въ городъ къ исправнику. Дворовый, большой шалопай, передъ тѣмъ въ чемъ-то провинившійся, смекнулъ, что въ этомъ письмѣ не можетъ быть ничего особенно хорошаго для него. Выйдя изъ усадьбы, онъ встрѣтилъ другого двороваго и упросилъ его отвезти это письмо въ городъ подъ тѣмъ предлогомъ, что у него крестины у кумы, предложивъ, впрочемъ, за это гривеникъ.

Тотъ, ничего не подовѣвая, снесъ письмо въ земскій судъ, гдѣ въ то время было присутствіе. Исправникъ, прочитавъ письмо, приказалъ посланному подождать въ передней. По окончаніи засѣданія онъ приказалъ дворянскому засѣдателю вынорочь посланнаго. Тотъ, не разобравши, въ чемъ дѣло, исполнилъ это приказаніе. Когда кончилась экзекуція, мужикъ, наконецъ, поинтересовался узнать, за что его порази. Такимъ образомъ дѣло разъяснилось, и тогда дворянскій засѣдатель,

человѣкъ въ сущности добродушнѣйшій, сказалъ крестьянину: „Ну, ничего, братецъ, не сердись—впередъ зачтется!“! Что же мужикъ? Ничего, преспокойно отправился домой, гдѣ надъ нимъ смѣялась вся дворня. Подобное происшествіе никого не возмутило, и, вѣроятно, такіе случаи бывали нерѣдко.

Швейковскій, имѣя очень маленькое состояніе и получая скудное жалованье, жилъ, хотя и скромно, но довольно прилично. Былъ очень гостепріименъ, такъ что у него ежедневно играли въ карты на двухъ или трехъ столахъ. Подъ старость онъ нажилъ себѣ состояніе и выстроилъ хорошую усадьбу. Вышелъ онъ въ отставку на другой же день послѣ обнародованья манифеста 19 февраля, уѣхалъ въ деревню, откуда не выѣзжалъ лѣтъ семь до самой своей смерти.

Несмотря на свое крѣпостничество, это былъ, во всякомъ случаѣ, лучшій изъ чиновниковъ тогдашняго времени, никогда не отступавшій отъ своихъ убѣжденій и, по тогдашнимъ понятіямъ, честный.

ГЛАВА VI.

Реформа 19-го февраля.

Когда въ 1857 году былъ обнародованъ рескриптъ Александра II къ виленскому генералъ-губернатору о необходимости уничтоженія крѣпостного права, я жилъ въ городѣ Радомыслѣ Кіевской губерніи. Въ этомъ довольно большомъ уѣздѣ жило много помѣщиковъ почти исключительно поляковъ; русскихъ, кажется, было только двое. Я помню то сильное возбужденіе, которое обнаружилось тогда среди польскаго общества.

Помѣщики сѣзжались другъ къ другу, всего чаще къ своему предводителю, толковали объ этомъ горячо, не стѣсняясь присутствіемъ насъ, русскихъ. Всего больше возмущались они надѣломъ крестьянъ землею. Противъ личнаго освобожденія и надѣла усадьбами они не вставали; надѣлъ же землею они считали революціонной экспропріаціей собственности. Большинство изъ нихъ сознавало, что всѣ эти разсужденія имѣютъ чисто теоретическій характеръ и что рано или поздно придется покориться волѣ правительства. Что думали они про себя, сказать трудно, но о возстаніи не было и рѣчи и никакихъ намековъ.

Пріѣхавъ въ Новоторжскій уѣздъ въ концѣ 59-го года, я не встрѣтилъ здѣсь ничего подобнаго. По наружности все было спокойно, всѣ казались равнодушными къ предстоящей реформѣ.

Положимъ, мѣстные комитеты уже прекратили тогда свою дѣятельность. Дѣло перешло въ главный комитетъ въ Петербургъ, гдѣ и покрылось туманомъ канцелярской тайны. Въ провинцію проникали кое-какія случайныя, часто противорѣчащія другъ другу, свѣдѣнія. Крестьяне, конечно, знали о будущей реформѣ, но вели себя сдержанно и умно.

Вся перемена состояла только въ томъ, что, съ одной стороны, уменьшились случаи противодѣйствія помѣщичьей власти, съ другой сами помѣщики не особенно ревниво настаивали на репрессіяхъ, и во весь этотъ періодъ по 19 февраля не было здѣсь какихъ-либо крупныхъ недоразумѣній ни съ той, ни съ другой стороны. Болѣе благоразумные и развитые изъ помѣщиковъ потихоньку готовились къ реформѣ: переходили съ барщины на вольнонаемный трудъ, запасались машинами и т. п., при чемъ были иногда крайне индивидуальскія увлеченія.

Одинъ помѣщикъ показывалъ мнѣ въ своей усадьбѣ огромный питомникъ яблонь, вишенъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. На мой вопросъ, — для чего ему нуженъ такой громадный питомникъ? — онъ предобродушно отвѣчалъ, что съ наступленіемъ эмансипаціи крестьяне заживутъ какъ въ раю и настолько улучшатъ свое хозяйство, что будутъ имѣть потребность въ извѣстномъ комфортѣ, будутъ разводить сады, огороды и т. д. Когда я съ усмѣшкой позволилъ себѣ усумниться въ этомъ, указывая на бѣдность и неразвитость населенія, мой собесѣдникъ утвердительно покачалъ головой и обозвалъ меня *Өмомой невѣрующимъ*. А между тѣмъ это былъ человекъ неглупый и въ остальныхъ отношеніяхъ практическій. Большинство же другихъ помѣщиковъ, особенно мелкопомѣстные, какъ-то полуравнодушно относились къ вопросу о реформѣ, а многіе даже сомнѣвались въ возможности самой реформы. Были такіе, которые распространяли тревожные слухи о какихъ-то волненіяхъ среди крестьянъ, иные даже прямо говорили, что крестьяне не сегодня — завтра перевѣшаютъ помѣщиковъ и заберутъ ихъ землю, продавая имѣнія и уѣзжали за границу.

„*Mon cher, nous aurons bientôt la jacquerie*“, говорилъ мнѣ не разъ одинъ старый и богатый помѣщикъ ¹⁾, имѣвшій, впрочемъ, дѣйствительныя причины предполагать, что въ случаѣ чего крестьяне не будутъ съ нимъ особенно деликатны. И дѣйствительно — въ скоромъ времени онъ продалъ имѣніе и уѣхалъ въ южную Францію отдыхать на лонъ Пиренейской природы и французской крестьянки (въ „*Rau*“).

¹⁾ Ал-дръ Федор. Полторацкій.

Но народъ молчалъ, подчинялся и твердо скрывалъ свои завѣтные думы.

На губерискомъ дворяискомъ собраніи конца 1860 года произошли безпорядки, вызванные, впрочемъ, не столько аграрнымъ вопросомъ, сколько желаніемъ повредить губерискому предводителю Уньковскому и его партіи и устранить ихъ отъ дѣлъ. А. М. Уньковскій, дѣятельность котораго по крестьяискому вопросу довольно извѣстна, былъ уволенъ отъ должности и отправленъ въ ссылку въ Вятку. Ссылкой закончилась его благотворная дѣятельность въ дѣлѣ эмансипаціи.

Въ томъ же собраніи дворянство составило всеподданнѣйшій адресъ о дарованіи дворянству нѣкоторыхъ политическихъ правъ. Адресъ этотъ остался безъ всякихъ послѣдствій, вызвавъ, однако, неудовольствіе противъ дворянства въ высшихъ сферахъ.

Уѣзднымъ предводителемъ дворянства, вмѣсто старика Загряжскаго, былъ выбранъ Алексѣй Александровичъ Бакуининъ.

Бакуининыхъ было четыре брата. Двое изъ нихъ, Алексѣй и Николай, скоро сошли съ арены общественной дѣятельности по обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, а двоимъ, Павлу и Александру, пришлось играть большую роль въ исторіи Новоторжскаго уѣзднаго и Тверскаго губерискаго земствъ.

Алексѣй Бакуининъ былъ одинъ изъ выдающихся людей своего времени. Богато одаренный отъ природы, высоко-развитой, мягкій и общительный, онъ скоро пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и любовь. Трудно было найти человека, съ которымъ было бы пріятнѣе говорить. Онъ не спорилъ съ вами, не давилъ васъ своимъ умственнымъ превосходствомъ, но кротко и спокойно развивалъ передъ вами свою мысль и, въ концѣ концовъ, вы незамѣтно для себя подчинялись его авторитету и дѣлались его поклонникомъ. У него былъ умъ широко-понимающій и всепронзающій; въ этомъ онъ былъ похожъ, мнѣ кажется, на своего великаго учителя, Градовскаго.

Послѣ обнародованія манифеста 19-го февраля онъ поселился въ городѣ и съ ранняго утра до поздней ночи спокойно и благодушно разъяснялъ всѣмъ приходившимъ къ нему какъ крестьянамъ, такъ и помѣщикамъ статья Положенія и возбуждаемыя ими недоразумѣнія.

Къ сожалѣнію, дѣятельность ихъ продолжалась не долго (не болѣе года). Въ декабрѣ 1861 или январѣ 1862 года на собраніи предводителей дворянства и посредниковъ предложено было подать правительству заявленіе, въ которомъ, согласно мнѣнію

А. М. Уньковскаго ¹⁾, проводилась мысль, что правильное рѣшеніе крестьянскаго вопроса невозможно безъ принятія обязательнаго единовременнаго и повсемѣстнаго выкупа съ участіемъ со стороны правительства.

Заявленіе подписали три предводителя: Бакунинъ, Балкашинъ (Корчевской) и Лихачевъ (Ржевскій), членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ Николай Бакунинъ и девять мировыхъ посредниковъ. Мысль эта, вполнѣдствіи до нѣкоторой степени осуществленная самимъ правительствомъ, въ то время показалась до такой степени революціонной и опасной, что въ Петербургѣ въ высшихъ сферахъ забили въ набатъ, заговорили о заговорѣ въ Тверской губерніи, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ представлялся прекрасный случай напугать Государя Императора возможностью революціи и возбудить его противъ реформы. Въ Тверь былъ посланъ генераль-адъютантъ Анненковъ для руководства всѣмъ дѣломъ, а по городамъ, гдѣ жили остальные участники, для ареста ихъ посланы были жандармскіе офицеры.

Мѣра эта вызвала негодованіе всѣхъ порядочныхъ людей даже изъ противнаго лагеря, а равно и въ заграничной прессѣ. Арестованныхъ заключили въ Петропавловскую крѣпость, и надъ ними было назначено слѣдствіе, затѣмъ они были преданы суду Сената, который присудилъ ихъ къ заключенію въ смиренительный домъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, въ томъ числѣ права участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ, а, слѣдовательно, и права быть избирателемъ или избираемымъ.

Это былъ первый политическій процессъ въ царствованіе Александра II, извѣстный подъ именемъ „дѣла тринадцати“.

По отбытіи наказанія А. Бакунинъ вернулся въ имѣніе свое село Прямухино Новоторжскаго уѣзда, гдѣ и жилъ до самой своей смерти, занимаясь науками. Прощенія за свои прегрѣшенія онъ не просилъ, какъ большинство участниковъ въ дѣлѣ.

Мировыми посредниками перваго призыва были П. Д. Кишенскій, Н. М. Полторацкій, В. Н. Кудрявцевъ, П. Н. Ельчаниновъ и Н. С. Медвѣдковъ.

Первый изъ нихъ былъ отставной Семеновскій офицеръ. Онъ былъ изъ числа той молодежи сороковыхъ годовъ, которая была проникнута либеральными, отчасти социалистическими

¹⁾ Мысль эта была высказана Уньковскимъ въ запискѣ, представленной имъ Главному комитету по крестьянскому вопросу.

идеями, изъ которой между прочимъ выдвинулся кружокъ Петрашевскаго.

Это былъ человекъ убѣжденный, прямолинейный, строгій къ другимъ, но въ то же время и къ самому себѣ. Онъ никогда не шелъ ни на какіе компромиссы. Онъ вышелъ въ отставку вскорѣ послѣ ареста тринадцати.

Кудрявцевъ, человекъ уже пожилой, представлялъ изъ себя довольно странную личность. Раньше онъ былъ яркимъ защитникомъ крепостного права какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, былъ очень строгъ къ крестьянамъ и многихъ изъ своихъ дворовыхъ сослалъ въ Сибирь. Во время дѣйствія губернскаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ онъ писалъ грозныя филиппики противъ освобожденія крестьянъ съ землею и другихъ правительственныхъ мѣръ, какъ человекъ страстный, конечно, не стѣснялся въ выраженіяхъ. Но никакихъ твердыхъ убѣжденій у него не было. Во время дворянскихъ выборовъ 59-го года Уньковскій разглядѣлъ его и, какъ говорятъ, въ одну ночь обратилъ его въ вѣру православную, т. е. изъ консерватора и ретрограда сдѣлалъ его прогрессистомъ. Кудрявцевъ сдѣлался такимъ же яркимъ прогрессистомъ, какимъ былъ консерваторомъ, говорилъ въ собраніяхъ громовыя рѣчи, стучалъ кулакомъ, однимъ словомъ, старался играть роль Мирабо, такъ что наконецъ добился чести быть въ числѣ тринадцати. По отбытіи наказанія онъ просилъ помилованія, былъ послѣ того раза два гласнымъ, но тутъ его старые консервативные взгляды снова взяли верхъ и, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ оставить общественную дѣятельность. Казалось, зачѣмъ было бы его выбирать, но дѣло въ томъ, что онъ былъ человекъ очень богатый, крайне тщеславный и самолюбивый. Если бы его не привлекалъ къ общественной дѣятельности, онъ сразу сталъ бы въ оппозицію, которая при его средствахъ и вліяніи на вѣкоторую часть помѣщиковъ могла бы быть даже опасной для дѣла, а тутъ въ обществѣ другихъ посредниковъ онъ, конечно, не могъ такъ скоро свихнуться съ прямого пути, какъ это случилось впоследствии. И действительно, онъ во всемъ шелъ наравнѣ съ ними, даже вдаваясь въ крайности.

Полторацкій, офицеръ Генскаго штаба, человекъ умный, безусловно честный, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ тринадцати и долженъ былъ оставить общественную дѣятельность.

Медвѣдковъ, человекъ прекрасно образованный, вскорѣ вышелъ въ отставку вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ помѣщиками своего участка; такъ называемаго корельскаго края,

землевладѣльцы котораго почти поголовно отличались крайнимъ консерватизмомъ и ретроградствомъ.

Таковы были посредники перваго призыва.

19 февраля въ томъ году приходилось на масленицѣ, и правительство, боясь разнаго рода смуть, отложило опубликованіе манифеста до 5-го марта (перваго великопостнаго воскресенья). Но это, вопреки надеждамъ консерваторовъ, не вызвало нигдѣ никакихъ волненій среди крестьянъ.

Къ 5-му марта были командированы по уѣзду губернаторскіе чиновники по нѣскольку на уѣздъ, къ нимъ были присоединены мѣстные чиновники. Они должны были объѣзжать весь уѣздъ, собирать въ каждомъ имѣніи всѣхъ наличныхъ крестьянъ въ присутствіи помѣщиковъ и объявить имъ Высочайшій указъ объ освобожденіи и главныя статьи Положенія 19-го февраля и выдать имъ оное. При этомъ также не обошлось безъ курьезовъ. Такъ, напримѣръ, командированный въ имѣніе г-жи Ивковой чиновникъ пріѣхалъ туда съ вечера и, объявивъ помѣщицѣ о цѣли своего пріѣзда, просилъ ее собрать утромъ пораньше на ея дворѣ крестьянъ для объявленія имъ манифеста. Каково же было его удивленіе, когда, выйдя утромъ на крыльцо, онъ нашелъ во дворѣ него кучу свѣженаваленныхъ камней. На спросъ его объ этомъ, помѣщица объявила, что только когда эти камни заговорятъ, тогда и крестьяне будутъ свободны. Нечего дѣлать, пришлось собрать крестьянъ въ сосѣдней деревнѣ и тамъ объявить имъ манифестъ.

Въ другомъ имѣніи помѣщика Черенкова въ Карельскомъ краю крестьяне въ числѣ душъ двадцати оказались цоально пьяными и, ставъ на колѣни, стали кричать, что они не хотятъ свободы и просятъ оставить ихъ за ихъ добрымъ помѣщикомъ. Помѣщикъ былъ старый полковникъ, уже выжившій изъ ума отъ старости. Когда чиновникъ сталъ уговаривать крестьянъ подчиниться волѣ правительства, крестьяне единогласно заявили, что они просятъ оставить ихъ въ распоряженіи помѣщика до его смерти, такъ какъ онъ обѣщалъ ежедневно поить ихъ водкой. „Что же, ваше благородіе“, говорили крестьяне, „старичокъ хилый и году не проживетъ, и тогда мы со всѣмъ удовольствіемъ покоримся царской волѣ, а по крайней мѣрѣ, за это время поьемъ всласть водочки“. Не скоро удалось чиновнику убѣдить крестьянъ въ неразумности ихъ желанія. Были и другія въ этомъ родѣ выходки въ другихъ мѣстахъ, но въ

общемъ все обошлось тихо и благоразумно. Вообще крестьяне не высказывали нигдѣ ни особой радости ни особеннаго недовольства. Положеніемъ и думали какую-то свою глубокую думу, до сихъ поръ непонятую нами.

Какъ извѣстно, манифестъ не вполне удовлетворялъ и либеральную часть общества, но во всякомъ случаѣ впечатлѣніе, произведенное имъ, было громадно не только у насъ, но и за границей. Тамъ внимательно слѣдили на всѣмъ, происходившимъ у насъ въ Россіи, за всѣми малѣйшими признаками волненія или недовольства. Выражали удивленіе, что такой великій переворотъ, облившій во многихъ мѣстахъ почву Европы потоками крови, проходитъ въ Россіи такъ спокойно, не вызывая нигдѣ кровавыхъ столкновеній. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ восточныхъ губерній (Казанская исторія Щазова, на примѣръ) почти вездѣ дѣло обошлось мирнымъ путемъ. Въ Европѣ цѣлѣ этого не могли.

Пострадали непосредственно только нѣсколько старушекъ, изъ которыхъ двѣ сошли съ ума, а съ третьей сдѣлался ударъ сейчасъ же послѣ объявленія манифеста, да одинъ старичекъ умеръ отъ удара также въ самый день объявленія его. Вотъ и всѣ, на первое время, жертвы переворота.

Но этотъ великій день въ прискорбію положилъ начало тѣхъ смуть и той травлѣ всего либеральнаго и порядочнаго въ Россіи, которая теперь разрослась въ извѣстной части прессы до такихъ чудовищныхъ размѣровъ. Нѣсколько порядочныхъ людей, по инициативѣ, кажется, Юрія Федоровича Самарина, устроили торжественный обѣдъ въ Москвѣ въ Англійскомъ клубѣ. Всѣ оны, конечно, были въ самомъ розовомъ настроеніи; проианесено было множество рѣчей, объяснявшихъ значеніе переворота и восхвалявшихъ великаго Царя-Освободителя. Черезъ нѣсколько дней въ газетахъ ретрограднаго направленія появились неприличные статьи, въ которыхъ московскій праздникъ былъ изображенъ въ какомъ-то шутовскомъ видѣ, а участники его выставлены чуть ли не Маратами, посягающими на основные устои русской жизни. Разумѣется, все ретроградное было въ восторгѣ отъ этихъ статей, и это было началомъ „торжествующей свиньи“.

Послѣ реформы лучшая часть дворянства сознала необходимость сближенія съ крестьянами. Дѣло это было очень трудное. Многоговѣковый гнетъ вѣрноподданнаго права прорылъ такую глубокую пропасть между двумя сословіями, положить мостъ черезъ которую было въ то время почти невозможно, и всего менѣе можно было это сдѣлать какими-нибудь заискиваньями передъ крестьянами.

Тутъ явилось какое-то фальшивое сантиментальничанье. Многіе помѣщики стали относиться къ крестьянамъ съ какимъ-то любезничаньемъ. Мужиковъ стали почему-то называть „мужичками“, говорить имъ „вы“, стали даже приглашать ихъ къ себѣ на именинные пироги и обѣды, при чемъ пренаивно удивлялись, что мужикъ ѣсть не по-свински, а по-человѣчески и ведетъ себя довольно прилично. Но это мало помогало, и пропасти, лежавшей между обоими сословіями, засыпать этимъ было нельзя. Люди сближаются между собою на почвѣ общаго дѣла, а такого тогда не было. Составленіе уставныхъ грамотъ и разверстаніе угодій, порождая споры между сторонами, скорѣе могли увеличить ровнь, а не служить къ сближенію. Глухая ненависть крестьянъ къ помѣщикамъ, не выражаясь никакими особенными дѣйствіями, была до того сильна, что даже теперь, по прошествіи 50-ти лѣтъ послѣ эмансипаціи, люди того поколѣнія, которое застало еще крѣпостное право, не могутъ говорить о немъ равнодушно. Къ тому же, устройство крестьянскаго управленія, исключивъ изъ среды волости всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянству, провело новую разъединительную черту между сословіями, лишивъ въ то же время участія въ общественныхъ дѣлахъ всю мѣстную интеллигенцію.

Всеевропейская волость и до сихъ поръ остается мечтою людей прогрессивнаго лагеря. Мы помнимъ попытки нѣсколькихъ помѣщиковъ изъ этого лагеря принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ въ качествѣ волостныхъ писарей, что, безъ сомнѣнія, могло бы имѣть хорошее вліяніе на упорядоченіе волостныхъ дѣлъ и на развитіе въ крестьянахъ чувства законности. Но всѣ эти попытки были отклонены правительствомъ.

Только въ первое время существованія земства пропасть эта понемногу начала наполняться. Но до сихъ поръ оба сословія стоятъ другъ противъ друга безъ взаимнаго пониманія.

Какъ на ближайшее послѣдствіе реформы 19 февраля указываютъ обыкновенно на начавшееся тогда обѣднѣніе помѣщиковъ, продолжающееся и до настоящаго времени.

Такъ до 19 февраля 81 года въ Новоторжскомъ уѣздѣ было 189 помѣщичьихъ усадебъ, въ настоящее время изъ нихъ осталось только 30 въ рукахъ дворянъ.

Я не буду говорить о причинахъ этого явленія, — онѣ очень сложны и объ нихъ было писано уже много. Но, во всякомъ случаѣ, врядъ-ли реформа 19 февраля играла здѣсь главную роль. Въ Западномъ краѣ реформа эта была введена при условіяхъ болѣе тяжелыхъ для помѣщиковъ того края, но, по об-

щему свидѣтельству всѣхъ бывшихъ тамъ въ послѣднее время, помѣщичьи усадьбы не представляютъ такого оскуднѣнія, какъ у насъ. Дѣло въ томъ, что у насъ почти всѣ имѣнія были раньше вложены въ Опекунскій Совѣтъ, хозяйство велось крайне рутинно, безъ знанія дѣла и безъ предусмотрительности. Застигнутые почти врасплохъ реформой, помѣщики наши не знали, что имъ дѣлать. Выкупныя проживались безъ всякой пользы для хозяйства, или же употреблялись на разныя предпріятія, которыя не соответствовали ни климатическимъ, ни мѣстнымъ условіямъ, ни условіямъ рыка. Помѣщики продолжали вести прежній образъ жизни, постоянно нуждались въ деньгахъ и, при отсутствіи правильнаго кредита, попадали въ руки ростовщиковъ и кулаковъ. Не мудрено, что при этихъ условіяхъ началось постепенное ихъ разореніе.

Для крестьянъ ближайшимъ послѣдствіемъ реформы было освобожденіе отъ личной зависимости и пріобрѣтеніе личной свободы въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. Эту независимость крестьянинъ ставитъ очень высоко.

При введеніи института земскихъ начальниковъ въ народѣ появились предположенія, что это замаскированное возвращеніе крѣпостного права. Я въ то время былъ мировымъ судьей. Однажды ко мнѣ пришелъ старый знакомый крестьянинъ, бывший когда-то волостнымъ старшиной, человекъ очень умный. Мало-по-малу разговоръ перешелъ на предполагаемую реформу и на порожденные ею слухи. Тогда старикъ съ горячностью скавалъ мнѣ: „Вотъ что я тебѣ скажу: потихоньку да полегоньку можно отобрать у насъ и землю и всѣ льготы; но если дѣло дойдетъ до воля,—тогда, братъ, держись“!

Къ сожалѣнію, послѣ исторіи тринадцати всѣ лица, принадлежавшія къ мѣстному либеральному лагерю, временно устранялись отъ участія въ дѣлахъ, и дѣло введенія въ дѣйствіе положенія попало у насъ въ не совсѣмъ хорошія руки. Предводителемъ дворянства вмѣсто Бакунина былъ выбранъ Владиміръ Алексѣевичъ Полторацкій, личность, надъ которой стоитъ остановиться. Отецъ его нѣсколько лѣтъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства; у самого В. А. было около пятисотъ душъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Онъ кончилъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ, служилъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ, во время Крымской войны участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, получилъ двѣ серьезныя раны и офицерскій Георгіевскій крестъ. Онъ получалъ

отличное свѣтское образованіе, прекрасно говорилъ и писалъ по-французски и по-нѣмецки; умъ у него былъ чрезвычайно бойкій, смѣтливый и дерзкій. Какъ родной племянникъ министра графа Киселева, онъ имѣлъ хорошія связи въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. При такихъ задаткахъ онъ могъ бы быть полезнымъ дѣятелемъ общества. Но судьба рѣшила иначе: онъ признавалъ только тотъ кружокъ людей, къ которому принадлежалъ по рожденію, воспитанію и службѣ; все, что было внѣ этого круга, онъ болѣе или менѣе откровенно презиралъ. Съ какой-то ненавистью онъ старался подавлять всякое проявленіе человѣческаго достоинства внѣ своего кружка.

Однимъ словомъ, это былъ прирожденный врагъ всякаго гражданскаго прогресса. Самая фигура его была характерна: онъ былъ красивый брюнетъ выше средняго роста съ правильными чертами лица. Небольшой, но также чрезвычайно правильный лобъ, темно-каріе, смотрѣвшіе на васъ дерзко и надменно глаза, правильный, слегка вздернутый носъ, небольшіе черные усы, громкій повелительный голосъ, могучій торсъ — все въ этомъ человѣкѣ говорило о силѣ и склонности повелѣвать.

Сначала онъ рѣдко появлялся въ Торжкѣ, жилъ въ Москвѣ, былъ тамъ членомъ Англійскаго клуба и имѣлъ тамъ большое вліяніе. Затѣмъ сталъ все чаще и чаще жить въ Торжкѣ, по причинѣ, какъ говорили, разстройства денежныхъ дѣлъ. Жена его жила въ Москвѣ у своего дяди князя Грузинскаго. По пріѣздѣ въ Торжокъ онъ сразу сдѣлался главою нѣвѣстнаго кружка, состоявшаго изъ офицеровъ и нѣсколькихъ помѣщиковъ, которые по складу своихъ мыслей были одного закала съ нимъ, хотя ни у одного изъ нихъ не было той дерзости и надменности, какъ у Полторацкаго.

Люди эти играли въ карты, завтракали, обѣдали большею частію съ шампанскимъ и проживали свое состояніе.

Полторацкій завелъ у себя въ имѣніи постройку большой барской усадьбы, которую никогда не достроилъ и въ которой никогда не жилъ, завелъ тамъ псовую охоту, для чего выпясалъ тридцать лошадей съ Кавказа, а охотниковъ одѣлъ въ кавказскія папахи. И все это онъ сдѣлалъ въ то время, когда у него не было почти ни гроша денегъ. Постояннымъ домомъ въ Торжкѣ онъ не жилъ, перекочевывая съ квартиры на квартиру, при чемъ не невѣдѣ разсчитывался съ хозяевами. Онъ занималъ направо и налево куши отъ двухсотъ до пятисотъ рублей, дѣлая при этомъ видъ, что будто онъ одолжаетъ того, у кого занимаетъ. Время отъ времени онъ при-

вовялъ изъ Москвы тысячи двѣ или три, уплачивалъ всѣ этихъ денегъ часть новоторжскихъ долговъ и такимъ образомъ поддерживалъ кредитъ. Говорили, что эти деньги выманивала его жена у своего дяди князя Грузинскаго, служившаго въ придворномъ вѣдомствѣ и завѣдывавшаго во время коронаціи 56-го г. царскими торжествами.

На охоту В. А. ѣздилъ чрезвычайно роскошно, съ нимъ всегда было два фургона съ провизіей и разнаго рода вещами.

Для характеристики расскажу нѣсколько встрѣчъ съ нимъ. Разъ, возвращаясь отъ большого изъ уѣзда, я былъ остановленъ его охотниками въ деревнѣ Макарьинѣ верстахъ въ 18-ти отъ города, съ заявленіемъ, что В. А. не велѣлъ пропускать никого изъ знакомыхъ.

Когда я вошелъ въ избу, занимаемую имъ, я былъ пораженъ роскошью, съ которой она была убрана. Всѣ стѣны и полъ были убраны персидскими коврами; въ избѣ стояли два складныхъ стола, на одномъ изъ нихъ было четыре серебряныхъ прибора для обѣда, на другомъ—водка и закуски. Тутъ были, кромѣ В. А., братъ его Дмитрій и новоторжскій помѣщикъ Василій Денисовичъ Давыдовъ, сынъ извѣстнаго партизана. Обѣдъ былъ роскошный; между прочимъ, была уха изъ стерлядей, за которыми онъ посылалъ почти ежедневно въ сосѣдній городъ Старицу, версть за пятьдесятъ.

Потомъ мы играли въ преферансъ, такъ что я уѣхалъ отъ него съ Давыдовымъ только часовъ въ двѣнадцать ночи, что называется, сытъ и пьянъ. Давыдовъ, самъ человекъ очень богатый, былъ пораженъ всей этой роскошью. Дорогой ямщикъ рассказалъ намъ, что Полторацкій никогда не рассчитывается съ крестьянами за свои ночлеги и забранный у нихъ кормъ для лошадей. Когда мужики начнутъ очень приставать, онъ, какъ говорилъ ямщикъ, ударить нагайкой по Джигиту (его верховая лошадь) и ускачетъ, пригрозивши имъ краснымъ пѣтухомъ. Мужики, боясь такой угрозы, молчали и безропотно переносили его грабежи.

Нѣсколько недѣль послѣ этого мнѣ пришлось проѣзжать черезъ усадьбу Полторацкаго часу въ восьмомъ утра, какъ разъ изъ охотничій праздникъ, т. е. 1-го сентября. Дорога шла мимо самого дома. Вдругъ слышу зычный голосъ, обзовавшій меня. В. А. сидѣлъ на балконѣ усадьбы съ какимъ-то другимъ незнакомымъ мнѣ господиномъ; оба были въ халатахъ. Передъ ними стоялъ полуштофъ водки и свѣжіе бобы и горохъ для закуски. Полторацкій сказалъ мнѣ, что сегодня охотничій праздникъ, и пригласилъ меня и моего спутника откусать охотничьяго пи-

рога на конюшнѣ. Сидѣвшій съ нимъ оказался его родственникомъ тоже Полторацкимъ, Пав. Александ., бывшимъ, какъ и В. А., офицеромъ на Кавказѣ. Въ тѣхъ же костюмахъ наши хозяева отправились съ нами на конюшню. Конюшня эта была устроена съ роскошью; передъ нею былъ залъ человекъ на сто; тутъ были разставлены столы съ пирогами и закусками. Всѣ мы сѣли за одинъ столъ вмѣстѣ съ охотниками. По окончаніи завтрака, покрытаго, конечно, порядочнымъ возліяніемъ, Полторацкій повелъ насъ по стойламъ показывать лошадей. Войдя въ стойло, гдѣ стоялъ его верховой конь Джигить, красивый кабардинскій жеребецъ, Полторацкій ударилъ его ладонью по крупу со словами: „Ну, Джигить, завтра въ походъ“, при чемъ такъ сверкнулъ глазами, что я подумалъ, что передо мной стоитъ какой-нибудь атаманъ XVII-го вѣка.

Нужно замѣтить, что бабка его по отцу была знаменитая въ свое время Агаоклея Александровна Полторацкая. Начавши съ двухъ или трехъ сотъ душъ, она оставила своимъ дѣтямъ громадное состояніе въ пятнадцать тысячъ душъ.

Дѣтъ сорокъ тому назадъ о ея подвѣтеляхъ ходила масса разсказовъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Напримѣръ, когда она объѣзжала поля, замѣчала, что какой-нибудь крестьянинъ по ея мнѣнію плохо работаетъ, тутъ же на мѣстѣ производила расправу, т. е. пороза.

Докторъ Лавровъ, практиковавшій въ Новоторжскомъ уѣздѣ слишкомъ 60 лѣтъ и отлично знавшій всѣ условія помѣщичьей жизни, разсказывалъ мнѣ, что подъ старость, когда она жила въ громадномъ, чуть не царскомъ домѣ своемъ въ селѣ Грузинахъ Новоторжскаго уѣзда, она страдала часто безсонницей и когда всѣ извѣстныя тогда гипнотическія средства были истощены, она приказывала собрать мужиковъ изъ сосѣднихъ деревень и пороть ихъ передъ окнами своей спальни, находившейся въ нижнемъ этажѣ дома; стоны несчастныхъ мужиковъ дѣйствовали на нее какъ морфій; подъ звуки этого адскаго оркестра она тихо засыпала. Правда, мужики скоро догадались, что она не можетъ ничего видѣть изъ глубины комнаты и притворялись, будто ихъ порютъ. Затѣмъ я слышалъ про нее разсказъ въ Петербургѣ, гдѣ у нея былъ собственный домъ во дворѣ Свѣной площади, занимаемый впоследствии Вяземской Лаврой. Однажды утромъ она увидѣла, что передъ окнами ея дома на Свѣной собралась большая толпа народа. Она послала своего лакея узнать въ чемъ дѣло. Тотъ доложилъ ей, что въ народѣ слухъ, что Полторацкиху будутъ сегодня пороть плетями. Тогда

она велѣла заложить коляску и, выѣхавъ въ ней на четвергѣхъ на площадь, закричала: „Что, подлецы, прежде, чѣмъ меня выпорять, я васъ половину передавлю“. Народъ, видя, что она дѣйствительно хочетъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, разбѣжался. И такого дикаго звѣря не только не посадили въ клетку за желѣзные запоры, а напротивъ высокопоставленныя лица искали чести быть съ ней знакомыми и пользовались ея милостивымъ вниманіемъ. Не объ этихъ ли дикихъ порядкахъ вздыхаютъ наши консерваторы? Не удивительно, что дикіе инстинкты перешли отъ бабки къ внуку.

И вотъ такого-то барина новоторжское дворянство выбрало своимъ предводителемъ. Случилось это такъ. Партія, противная либераламъ, во главѣ которой стоялъ довольно богатый помѣщикъ Пероновъ, боясь, чтобы власть не попала снова въ руки кого-нибудь изъ противниковъ, инсинуировала и интриговала среди всегда колеблющагося большинства и настолько запугала его, что всѣмъ мерещилась чуть ли не социальная революція въ случаѣ избранія вновь одного изъ Бакуниныхъ или изъ лицъ близкихъ имъ. Такъ какъ изъ среды ихъ самихъ никто не рассчитывалъ получить достаточное большинство, то они и выставили кандидатуру Полторацкаго, надѣясь на его имя и заслуги отца, бывшего нѣсколько трехлѣтій губернскимъ предводителемъ. Выборы происходили не въ губернскомъ городѣ, а въ Торжкѣ въ залѣ гостиницы Федухина. Собралось человекъ сорокъ или болѣе дворянъ. Полторацкій скромно сѣлъ въ самомъ заднемъ ряду креселъ и противъ своего обыкновенія не шумѣлъ, не шутилъ и ограничивался лишь самыми скромными замѣчаніями.

По разсмотрѣніи нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ приступили къ выборамъ. Послѣ отказовъ двухъ или трехъ предложенныхъ кандидатовъ, стали просить Полторацкаго. Онъ всталъ и долго отказывался, какъ Борисъ Годуновъ отъ царства. Среди избирателей слышались голоса: „Владиміръ Алексѣевичъ! послужите намъ, спасите насъ“¹⁾!

Наконецъ всталъ генералъ Воробьевъ и сказалъ патетическую рѣчь о томъ, что единственное спасеніе уѣзда въ принятіи Полторацкимъ должности предводителя, потому что такъ называемая Бакунинская партія хочетъ обезвредить и обездоложить уѣздъ. Не выдержало отчаянно-любивое сердце Полторацкаго, и онъ со скромностью принялъ великую миссію спасенія отечества, т. е. дворянства. Ну, и спасъ же онъ ихъ!

¹⁾ Бакунины и вся прогрессивная партія въ этомъ собраніи не участвовали.

Черезъ два или три мѣсяца были выборы губернскаго предводителя. Тутъ Полторацкій явился кандидатомъ, рассчитывая на имя отца и на свое личное обаяніе; больше никакихъ заслугъ у него не было. Онъ умѣлъ такъ ловко интриговать, что при первой баллотировкѣ былъ выбранъ громаднымъ большинствомъ (что-то 360 голосовъ изъ 400 баллотировавшихъ).

Нужно было выбрать къ нему кандидата, для обсужденія чего былъ назначенъ перерывъ засѣданія на нѣсколько минутъ. Въ это время подлилось шампанское, и всѣ поздравляли вновь избраннаго предводителя.

Между тѣмъ часть публики опомнилась и, вовсе не желая имѣть предводителемъ Полторацкаго, рѣшила во что бы то ни было сдѣлать собраніе недействительнымъ. По закону какъ предводитель, такъ и кандидатъ избираются въ одномъ и томъ же составѣ дворянъ.

Когда провѣрили голоса за кандидата, ихъ оказалось на два меньше противъ числа баллотировавшихъ Полторацкаго. Нечего дѣлать, надо было отложить выборы до слѣдующаго дня. Утромъ, при вторичной баллотировкѣ Полторацкій получилъ тридцатью или сорока голосами меньше, чѣмъ наканунѣ, а предложенный въ кандидаты Сухотинъ былъ выбранъ почти единогласно и утвержденъ Государемъ. Полторацкому хотѣлось быть губерньскимъ предводителемъ, главнымъ образомъ, потому, что при своихъ связяхъ въ Петербургѣ и при своей ловкости онъ могъ бы года черезъ два попасть въ губернаторы.

Въ дѣлахъ по крестьянскому присутствію онъ не принималъ почти никакого участія; являлся туда рѣдко, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда надо было поддержать какую-нибудь крупную несправедливость противъ крестьянъ. Онъ прослужилъ такимъ образомъ до открытія земства, т. е. до 86 года.

Благодаря своимъ связямъ, старымъ военнымъ заслугамъ и ближнему родству съ военнымъ министромъ Милютинимъ, человекомъ крайне довѣрчивымъ и внавшимъ одну только хорошую сторону военной дѣятельности Полторацкаго, на Кавказѣ, онъ поступилъ снова въ военную службу, получилъ батальонъ, участвовалъ въ Хивинскомъ походѣ, потомъ формировалъ Крымско-Татарскій дивизионъ, командовалъ имъ нѣсколько лѣтъ и сдалъ въ большомъ безпорядкѣ съ начетомъ тысячъ въ пятнадцать. Во время послѣдней турецкой кампаніи онъ командовалъ Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ, который сдалъ также съ большимъ начетомъ и все-таки былъ произведенъ въ генералъ-майоры.

Мировые посредники второго призыва стояли много ниже первыхъ, какъ по своему образованію, такъ и по нравственнымъ качествамъ. Они не дѣйствовали такъ строго-безпристрастно, какъ тѣ, и вездѣ, гдѣ только было можно, держали сторону помѣщиковъ. Предсѣдательствовалъ болѣею частію на ихъ сѣздахъ посредникъ Шнейдерсъ изъ Карельскаго края. Это былъ человекъ неглухой, но безъ всякихъ принциповъ и въ душѣ крѣпостникъ. При всякихъ столкновеніяхъ крестьянъ съ помѣщиками онъ всегда рѣшалъ дѣло не въ пользу первыхъ, былъ довольно грубъ и дерзокъ съ крестьянами на сѣздахъ, часто ихъ не выслушивалъ какъ слѣдуетъ и въ случаѣ сильнаго противорѣчія съ ихъ стороны безъ дальнихъ разговоровъ выпроваживалъ ихъ изъ залы засѣданія. Былъ даже такой случай: помѣщикъ А. П—ій передъ эмансипаціей отрѣзалъ у крестьянъ ихъ полевою землю и взамѣнъ ей далъ землю худшаго качества. При составленіи уставной грамоты крестьяне, конечно, на это не согласились, и дѣло перешло въ сѣздѣ. На сѣздѣ явился уполномоченный со стороны П—аго и человекъ двѣнадцать со стороны крестьянъ. Обѣ стороны горячо отстаивали свои интересы. Раздраженный этимъ споромъ Шнейдерсъ обратился къ бывшему случайно въ засѣданіи командиру уланскаго полка, человеку хорошему, но очень недалекому, съ просьбой дать ему воинскую команду для арестованія крестьянъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явилось человекъ двадцать солдатъ подъ командой офицера и съ обнаженными саблями отвели крестьянъ на военную гауптвахту.

Такимъ образомъ дѣло приняло какъ-будто характеръ крестьянскаго бунта.

Для оправданія своихъ дѣйствій Шнейдерсъ сейчасъ же поѣхалъ къ исправнику, прося его дать удостовѣреніе въ томъ, что, несмотря на всѣ увѣщанія, крестьяне шумѣли на сѣздѣ, не соглашались ни на какія предложенія со стороны П—аго, вследствие чего необходимо было прибѣгнуть къ военной силѣ. Исправникъ, человекъ очень порядочный, конечно, не согласился на такой подлогъ и искаженіе фактовъ и сейчасъ же послалъ объ этомъ эстафету губернатору. Между тѣмъ и полковникъ со своей стороны долженъ былъ донести о происшествіи по командѣ начальнику дивизіи и, кажется, на Высочайшее имя. Къ утру пришла эстафета отъ губернатора съ приказомъ немедленно освободить крестьянъ, и было назначено слѣдствіе, такъ что побѣдители не долго наслаждались торжествомъ своей побѣды. Хотя слѣдствіе не повело ни къ чему по

отношенію къ Шнейдерсу, но крестьяне все-таки отстаивали свои права и получили землю.

Нѣкоторые изъ посредниковъ были такъ недѣтельны и такъ небрежно относились къ дѣлу, что когда наступилъ двухлѣтній срокъ, къ которому должно было окончиться составленіе уставныхъ грамотъ, около половины ихъ не было еще составлено, и пришлось назначить для окончанія дѣла въ эти участки по нѣскольکو кандидатовъ.

Несмотря на все это, въ общемъ дѣло обошлось довольно благополучно, и большихъ недоразумѣній было не много, благодаря отчасти долготерпѣнію нашихъ крестьянъ, хотя по нѣкоторымъ признакамъ можно было судить, что они не вполне довольны тѣмъ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса, какое было дано Положеніемъ 19 февраля и особенно положеніемъ о выкупѣ. Имъ, конечно, казалось страннымъ, что за землю, которую они обрабатывали въ теченіе долгаго ряда поколѣній, имъ приходилось еще платить выкупъ. Затѣмъ самимъ надѣломъ они были въ общемъ недовольны: они думали, что большая часть помѣщичьей земли должна перейти имъ, и много лѣтъ еще между ними ходили слухи о какомъ-то новомъ передѣлѣ земель, и сохранялась тайная надежда на него. Къ тому же общинное землевладѣніе и круговая порука, установленныя Положеніемъ, дѣлали крестьянина крѣпкимъ землѣ, что во многихъ случаяхъ стѣсняло его личную инициативу.

Но по необходимости они покорились, помня, вѣроятно, что „сила соломѣ ломитъ“.

Мелочныя недоразумѣнія по поводу разверстанія угодій возникали и впоследствии и разрѣшались мировыми посредниками и мировымъ съѣздомъ.

Такимъ образомъ, съ составленіемъ уставныхъ грамотъ разрѣшался первый актъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ.

ГЛАВА VII.

Земство и судебная реформа.

Въ началѣ 1866-го года были въ первый разъ избраны гласные въ уѣздное земское собраніе. Какъ извѣстно, земство было тогда всеобщее; хотя гласные дѣлились на три разряда: первый разрядъ отъ землевладѣльцевъ, второй отъ городскихъ обывателей и третій отъ крестьянскихъ обществъ, владеющихъ землею на общинномъ правѣ, но по всѣ эти разряды

могли быть избираемы лица безразлично отъ всѣхъ сословій. Такъ, въ первый разрядъ можно было выбирать не только дворянъ, но купцовъ и крестьянъ, если они владѣли земельной собственностью въ извѣстномъ размѣрѣ. Отъ крестьянскихъ обществъ избирались иногда и дворяне, пользовавшіеся довѣріемъ и уваженіемъ общества, если они на основаніи земельного ценза имѣли право быть избираемыми въ гласные.

Законъ, возложивъ на земство заботу о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, нашелъ возможнымъ предоставить это дѣло только лицамъ, имѣющимъ извѣстную земельную собственность, и такимъ образомъ устранилъ отъ участія въ земскихъ дѣлахъ ту часть мѣстной интеллигенціи, которая не имѣла земельной собственности. Это имѣло свои невыгодныя послѣдствія, такъ какъ кромѣ чисто-хозяйственныхъ дѣлъ въ уѣздѣ на земствѣ лежитъ забота о народномъ образованіи и устройствѣ медицинской части. Участіе въ этомъ дѣлѣ мѣстной безземельной интеллигенціи, не связанной экономическими интересами, могло быть очень полезно и вѣроятно спасло бы земство отъ многихъ ошибокъ, сдѣланныхъ имъ въ этомъ отношеніи.

Крестьяне въ то время не имѣли вполне яснаго представленія о своихъ нуждахъ и не умѣли возбуждать въ земскихъ собраніяхъ вопросовъ о тѣхъ потребностяхъ, которыя выходили изъ круга изъ хозяйственныхъ интересовъ; въ такихъ-то случаяхъ участіе безземельной интеллигенціи оказало бы большую услугу.

Весною 1866 года состоялось первое земское собраніе для избранія земской управы. По закону до избранія лицъ на земскія должности необходимо было опредѣлить имъ жалованье. Вопросъ этотъ вызвалъ среди гласныхъ продолжительныя и горячія пренія. Прогрессивная партія предложила назначить всѣмъ членамъ одинаковое содержаніе по 600 рублей въ годъ. Другая же сторона предложила назначить председателю 1500 р., а членамъ по 1200 въ годъ. Прогрессисты въ основаніе своего предложенія выставляли то, что содержаніе членамъ управы назначается не какъ вознагражденіе за ихъ трудъ, который въ то время и оцѣнить было невозможно, но только какъ пособіе на тѣ излишніе расходы, которые каждый изъ нихъ долженъ понести по своей службѣ въ земствѣ, какъ-то: по найму квартиры въ городѣ, лишней прислуги и т. п.

При этомъ имѣлось отчасти въ виду устранить отъ веденія земскихъ дѣлъ тѣ нежелательные элементы, которыя начали

выскакивать аппетиты на земскій пирогъ. Противники возражали, что при назначеніи такого ограниченнаго содержанія въ земствѣ могутъ служить только люди болѣе или менѣе обеспеченные, и такимъ образомъ будутъ устранены полезныя дѣятели. Противъ равномерности содержанія возражали, что предсѣдатель несетъ большую отвѣтственность, чѣмъ другіе члены, и по необходимости долженъ имѣть больше расходовъ. Послѣ долгихъ споровъ прогрессисты одержали верхъ, и предсѣдателемъ управы былъ выбранъ П. А. Бакунинъ, а членами Т. Н. Повало-Швейковскій и Н. С. Львовъ.

Въ слѣдующемъ трехлѣтнѣмъ вопросъ этотъ былъ снова возбужденъ той же группой гласныхъ, но большинствомъ голосовъ былъ рѣшенъ въ прежнемъ смыслѣ. Вскорѣ П. А. Бакунинъ былъ выбранъ предводителемъ дворянства.

П. Бакунинъ при своемъ умѣ и образованіи имѣлъ огромное значеніе какъ въ уѣздномъ, такъ и въ губернскомъ земствахъ. Ему принадлежала руководящая роль во всѣхъ вопросахъ, касающихся устройства земскихъ дѣлъ. Большинство мѣропріятій по этимъ вопросамъ было возбуждено по его иниціативѣ и рѣшалось согласно съ его предложеніями. Въ земскихъ собраніяхъ онъ велъ дѣла съ огромнымъ тактомъ: спокойно, съ неотразимой логикой онъ развивалъ свою мысль и разбивалъ возраженія противника. Нужно сказать, что онъ долго слушалъ лекціи Гегеля и изучилъ вполнѣ его діалектическій методъ. Проживши долго въ Западной Европѣ, онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми формами ея гражданской жизни и старался привить къ русской жизни то, что при тогдашнихъ условіяхъ могло быть приложимо къ ней. Его рѣчи въ земскихъ собраніяхъ, какъ выразился одинъ мой петербургскій пріятель, случайно попавшій на собраніе, были похожи на общедоступныя лекціи в лучшихъ формахъ гражданского общежитія (*modus vivendi*). Не обинуясь можно сказать, что живи онъ въ какомъ-нибудь конституціонномъ государствѣ, онъ былъ бы главой и руководителемъ партіи и не разъ занималъ бы министерскій постъ.

А дѣла въ земствѣ предстояло много. Прежде всего необходимо было произвести опись и оцѣнку тѣхъ недвижимыхъ имуществъ, которыя подлежали земскому обложенію. Въ помощь управѣ для веденія этого сложнаго дѣла былъ приглашенъ гласный отъ города Е. И. Поповцевъ. Оцѣнка была произведена какъ на основаніи доходности имѣній, такъ и по соображенію со средствами владѣльцевъ. Всѣ имѣнія были оцѣнены въ девять съ чѣмъ-то милліоновъ.

Этой оцѣнкой земство руководится и до настоящаго времени. Разумѣется, она не вполне соответствовала дѣйствительной стоимости имѣній, но, по крайней мѣрѣ, земство, хотя приблизительно, ознакомилось съ тѣми средствами, которыми оно могло располагать для своего бюджета.

Лѣтомъ 1866 года появилась въ Торжкѣ эпидемія холеры. Она была занесена судорабочими съ каравана барокъ, шедшаго тогда по Тверцѣ. Надо сказать, что Торжокъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Тверцы. Правая сторона его представляетъ рядъ холмовъ, пересѣченныхъ оврагами и ручьями, лѣвая же представляетъ возвышенное плато, постепенно понижающееся съ сѣверо-востока на юго-западъ. Съ каждой стороны рѣки есть по нѣсколько улицъ очень низкихъ и топкихъ. Эпидемія главнымъ образомъ и гнѣдилась въ этихъ улицахъ. Случаевъ заболѣванія въ болѣе высокихъ частяхъ города было только два, на семьдесятъ слишкомъ всѣхъ больныхъ.

По заявленіи моемъ о появленіи эпидеміи, земская управа сейчасъ же устроила временную больницу на двадцать крестей въ одномъ изъ концовъ города, снабдивъ ее всѣмъ необходимымъ для пользованія больныхъ. Все это было готово въ три дня; при старомъ же бюрократическомъ порядкѣ прошло бы недѣли двѣ—три до устройства больницы. Въ то же время были очищены площади и большіе дворы въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Для дезинфекціи изверженій больныхъ выдавался по домамъ желѣзный купоросъ. Все это было сдѣлано быстро, безъ всякой излишней переписки, въ чемъ высказалось сразу преимущество новаго общественнаго порядка передъ старымъ бюрократическимъ. Эпидемія окончилась въ послѣднихъ числахъ августа. Она повторилась и въ 1867 году, но въ болѣе слабой степени.

Въ очередномъ собраніи 1866-го года земство приступило къ устройству предоставленныхъ ему Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ дѣлъ. Предстояло, во-первыхъ: перевести всѣ натуральныя повинности, лежавшія тяжкимъ бременемъ на однихъ крестьянахъ, на денежныя, равномерно распределенныя между всѣми участниками земства. Во-вторыхъ, заняться устройствомъ въ уѣздѣ школъ и, въ третьихъ, заняться устройствомъ медицинской помощи народу.

Къ натуральнымъ повинностямъ принадлежали квартирная, дорожная и подворная. Церная была особенно тяжела для крестьянъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Изъ пяти эскадроновъ квартировавшаго въ городѣ каван-

дерійскаго полка два стояли въ казармахъ въ самомъ городѣ, а три — по деревнямъ. Обыкновенно въ каждой деревнѣ одинъ или два лучшихъ двора отбирались подъ конюшни, а солдаты жили по избамъ у крестьянъ, пользуясь у нихъ приваркомъ и хлѣбомъ. Хотя за это они должны были отдавать крестьянамъ получаемый ими провіантъ, но провіантъ этотъ рѣдко доходилъ до крестьянъ полностью, а иногда и совсѣмъ не доходилъ, такъ какъ солдаты предпочитали продавать его въ свою пользу. Такимъ образомъ въ крестьянской семьѣ появлялся лишній ротъ, требующій насыщенія. Затѣмъ, появленіе въ семьѣ посторонняго, молодого и почти ничѣмъ не занятаго квартиранта разрушало ея нравственный порядокъ: либо жена, либо дочь хозяина подвергались ухаживанію этого квартиранта и въ концѣ концовъ дѣлались его жервой. Такимъ образомъ это была одна изъ самыхъ ненавистныхъ для крестьянъ повинностей. Кроме того, солдаты нерѣдко крали у крестьянъ запасы овса и сѣна.

Согласно предложенію Бакунина земство постановило просить правительство передать въ его распоряженіе три большихъ почтовыхъ станціи на Московско-Петербургскомъ шоссе, въ селахъ Мѣдномъ, Будовѣ и Выдропускѣ, не имѣвшія больше никакого назначенія послѣ открытія Николаевской желѣзной дороги. Въ каждой изъ нихъ свободно можно было расположить эскадронъ, такъ какъ при каждой, кроме достаточнаго помѣщенія для людей и офицеровъ, находились конюшни на 150 лошадей. Для исправленія и приспособленія ихъ къ помѣщенію эскадроновъ постановлено было ассигновать двадцать тысячъ рублей. Зимой казармы были переданы земству, и съ весны 1867-го года было приступлено къ ихъ исправленію. Здѣсь управа сдѣлала большую ошибку. Въ видахъ экономіи не былъ приглашенъ техническій специалистъ, который наблюдалъ бы за постройкой, а управа передала дѣло проживавшему въ Торжкѣ архитектору-самоучкѣ, не составивъ никакихъ плановъ и смѣтъ. Ревизионная коммиссія, осматривая эти постройки передъ собраніемъ 67-го года, нашла въ нихъ много несправностей и много неоконченнаго, на что необходимо было ассигновать по смѣтъ, составленной коммиссіей вмѣстѣ съ архитекторомъ Осодоровымъ, еще около девяти тысячъ рублей. Объ этомъ былъ составленъ подробный докладъ Кишенскимъ.

Докладъ этотъ вызвалъ въ собраніи бурныя прервія, тѣмъ болѣе, что отчетъ управы былъ составленъ крайне неудовлетворительно, безъ всякихъ объясненій. Конечно, ни на одну минуту ни у кого не могло явиться мысли о какихъ-либо злоупотреб-

леніяхъ, но все-таки такое небрежное отношеніе къ общественнымъ дѣламъ, отъзывавшее барскими привычками, вызвало во многихъ раздраженіе противъ управы. Какъ ни грустенъ былъ этотъ фактъ, но собранію пришлось ассигновать просимую комиссіей сумму, чтобы докончить начатое дѣло. Инцидентъ этотъ чуть было не повелъ къ дуэли между Бакунинымъ и Кишенскимъ. Бакунинъ, при всей своей серьезности, имѣлъ привычку говорить иногда о дѣлахъ шуточно.

Когда Кишенскій прислалъ въ управу свой докладъ о результатахъ осмотра казармъ, Бакунинъ, встрѣтившись съ нимъ, сказалъ, что онъ получилъ его цидулку. Кишенскій, относившійся чрезвычайно строго и серьезно къ общественнымъ дѣламъ, былъ оскорбленъ такимъ выраженіемъ и вызвалъ Бакунина на дуэль. Къ счастью, стараніями другихъ гласныхъ, одинаково уважавшихъ Бакунина, такъ и Кишенскаго, дѣло было улажено, и Бакунинъ извинился передъ Кишенскимъ за свое выраженіе.

Лѣтомъ 1868-го года передѣлки казармъ были кончены, и послѣ осмотра ихъ ревизіонной комиссіей въ нихъ были помѣщены три эскадрона гусарскаго полка. Съ тѣхъ поръ никогда ни одинъ солдатъ не квартировалъ больше въ крестьянскихъ домахъ, и крестьяне свободно вздохнули, избавившись отъ этой тяжелой и ненавистой повинности.

Дѣло исправленія дорогъ въ уѣздѣ было сопряжено съ большими трудностями; четыре большихъ дороги, содержаніе которыхъ лежало на земствѣ: Большая Бѣжецкая, называвшаяся также Осташевскою, такъ какъ она шла черезъ станцію Осташково Николаевской желѣзной дороги, Осташковская, шедшая къ городу Осташкову, Ржевская и Старицкая. Трудно сказать, которая изъ нихъ была хуже. По свойству грунта лучше всѣхъ была Старицкая; остальные же представляли или цѣлый рядъ непроходимыхъ болотъ и топей, какъ Бѣжецкая, или рядъ пригорковъ и низменностей, до того грязныхъ и тонкихъ, что колеса экипажей погружались въ грязь почти цѣлкомъ, а лошади уходили туда по брюхо.

Мосты на многочисленныхъ рѣчкахъ и ручейкахъ были до того плохи, что большею частію приходилось во избѣжаніе опасности выходить изъ экипажа. И по такимъ-то дорогамъ православный людъ ѣздилъ нѣсколько столѣтій.

Сначала земство стало исправлять ихъ старымъ рутиннымъ образомъ, т. е. засыпать ямы фашиникомъ съ землею и прокапывать кое-гдѣ канавы. Конечно, такой способъ исправленія

мало помогать. Года черезъ два дороги снова пришли въ прежнее состояніе.

Только мосты исправлялись лучше, т. е. изъ лучшаго матеріала и дѣлались прочнѣе. Наконецъ мало-по-малу земство пришло къ мысли, по предложенію гласнаго В. Н. Лянда, устраивать постепенно мостовую изъ булыжника, которымъ чрезвычайно обилень Новоторжскій уѣздъ. Въ настоящее время большая часть дорогъ сдѣлалась удобною для проѣзда во всякое время, хотя работа эта все еще не вполне закончена.

Изъ натуральныхъ повинностей оставалась только одна подводная. Для заимки ея сначала предполагалось учредить въ извѣстныхъ пунктахъ земскія стойки, но такъ какъ это на расчеты потребовало большого ежегоднаго расхода, то земство нашло болѣе выгоднымъ войти въ непосредственное соглашеніе съ полиціей и съ чинами судебного вѣдомства, и выдать имъ въ ихъ распоряженіе ежегодно извѣстную сумму на проѣзды, что составило ежегодно расходъ въ 4.000 р. съ небольшимъ.

Теперь земству предстояло приступить къ устройству двухъ важнѣйшихъ отраслей земскаго дѣла—учебной и медицинской. Школъ для крестьянъ въ уѣздѣ тогда не было, кромѣ двухъ школъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и двухъ частныхъ школъ: одна въ селѣцѣ Коницынѣ была устроена одной изъ владѣлицъ его Авдотьей Михайловной Бакуниной на свои собственные средства, а другая въ селѣ Млевичахъ священникомъ П. О. Черенцовымъ частью на собственные средства, частью на пожертвованія мѣстныхъ помѣщиковъ.

Я счелъ необходимымъ упомянуть объ этихъ лицахъ, какъ о первыхъ пионерахъ въ дѣлѣ народнаго образованія, имена которыхъ достойны того, чтобы быть сохраненными въ потомствѣ.

Въ городѣ было уѣздное училище и нѣсколько приходскихъ школъ, кромѣ того, городскіи дѣти учились у своихъ приходскихъ священниковъ и дьяконовъ. Крестьяне же были почти повально безграмотны. Чтобы помочь этому злу, земство на первыхъ порахъ постановило учредить по одной школѣ въ волости, ассигновавъ на содержаніе каждой по 200 рублей. Конечно, этого было очень мало, такъ какъ одна школа приходилась слишкомъ на пять тысячъ жителей, но, въ виду неопредѣленности платежной способности населенія, пришлось довольствоваться пока и этимъ. При этомъ земство постановило оказывать денежные пособія тѣмъ крестьянскимъ обществамъ, которыя пожелали бы устроить у себя школы.

Въ 1867 году гласный В. Н. Линдъ для того, чтобы упрочить положеніе открываемыхъ земствомъ школъ, предложилъ ежегодно ассигновать по три тысячи рублей въ видѣ неприкосновеннаго капитала одной изъ нихъ сверхъ суммы, ассигнуемой на содержаніе всѣхъ прочихъ школъ.

Такимъ образомъ, постепенно всѣ открываемыя земствомъ школы въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ могли бы быть обезпечены собственнымъ неприкосновеннымъ капиталомъ. Хотя это предложеніе было встрѣчено возраженіями со стороны ретрограднаго лагеря, но все-таки оно было, въ концѣ концовъ, принято, и первый жребій палъ на школу въ селѣ Прямухинѣ.

Ретроградная партія главнымъ возраженіемъ противъ открытія школъ на общеземскій счетъ выставляла то, что въ этихъ школахъ дѣти дворянъ учиться не будутъ, такъ пусть крестьяне открываютъ ихъ на собственный счетъ. Они забывали при этомъ, что всѣ спеціальныя учебныя заведенія, какъ-то: кадетскіе корпуса, Училище Правовѣдѣнія, дворянскіе институты для дѣвицъ и другія заведенія, въ которыхъ воспитываются по преимуществу дворянскія дѣти, содержатся на общегосударственный счетъ, а потому справедливость требуетъ, чтобы дѣти крестьянъ учились если не на общегосударственный, то на общеземскій счетъ. Иные доказывали, что грамота крестьянству не нужна вовсе, что грамотный мужикъ не будетъ заниматься крестьянствомъ, а пойдетъ или въ писаря или въ сидѣльцы въ кабакъ, и пользы отъ него для общества не будетъ никакой. Нѣкоторые настаивали на введеніи въ школахъ преподаванія церковно-славянскаго языка, но, разумѣется, всѣ эти возраженія не выдерживали никакой критики.

Крестьяне отнеслись къ открытію школъ сначала довольно равнодушно, не высказывали при этомъ особеннаго удовольствія, но и всѣхъ возраженій не представляли. Но вскорѣ отношенія ихъ къ школамъ совершенно намѣнились: съ слѣдующаго же года начали поступать отъ крестьянъ заявленія съ просьбами объ открытіи новыхъ школъ, на которыя съ ихъ стороны предлагались пожертвованія, то дѣсомъ, то работой, то въ видѣ содержанія на ихъ счетъ учителей: очевидно, они начали сознавать необходимость и пользу грамотности. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ стали открывать такъ называемыя школы грамотности, нанимая для этого учителей. Земство оказывало со своей стороны небольшое пособіе этимъ школамъ. Кое-кто, человѣка два, три изъ помѣщиковъ открыли школы на собственный счетъ съ небольшимъ пособіемъ отъ земства. Конечно, открытіе школъ шло не особенно быстро,

частью по ограниченности земскихъ средствъ, а частью по недостатку подготовленнаго учительскаго персонала. Въ школахъ обучали большею частью семинаристы; кое-гдѣ были отставные чиновники, оставшіеся за штатомъ за упраздненіемъ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ, частью бывшіе писаря; кое-гдѣ обучали дочери сосѣднихъ помѣщиковъ. Все это были люди или совсѣмъ неподготовленные или подготовленные очень мало въ смыслѣ педагогическомъ. Чтобы помочь этому горю, губернское земство по предложенію кашинскаго гласнаго П. П. Максимовича рѣшило открыть въ Твери учительскую женскую семинарію, на что Максимовичемъ былъ пожертвованъ довольно значительный капиталъ. Затѣмъ въ Торжкѣ на счетъ губернскаго земства была открыта мужская учительская семинарія съ трехлѣтнимъ курсомъ.

Эти два учебныя заведенія, функционирующіи и до сихъ поръ, вскорѣ стали давать земству хорошо подготовленныхъ учителей и учительницъ, и дѣло народнаго образованія стало развиваться довольно быстро въ соразмѣрности со средствами земствъ. Земскія школы тогда находились только въ вѣдѣніи самого земства, не подчиняясь никакому постороннему давленію ни со стороны общей администраціи, ни учебной.

Всѣ ограниченія въ этомъ отношеніи развились уже впоследствии, подъ вліяніемъ соображеній, совершенно чуждыхъ для земства.

Въ очередномъ собраніи 1866-го года мною былъ представленъ проектъ организаціи земско-медицинской помощи для народа. Дѣло это было довольно трудное. Нигдѣ на Западѣ мы не имѣли никакихъ прецедентовъ для этого, у себя дома также ничего до сихъ поръ не было сдѣлано въ этомъ направленіи, такъ что приходилось все творить сначала, не имѣя никакихъ образцовъ для руководства. Нужно было считаться не только съ ограниченностью земскихъ средствъ, но и съ массой предрассудковъ, существовавшихъ въ то время среди публики. Даже среди людей довольно развитыхъ упорно поддерживалось мнѣніе, что крестьянамъ не нужна правильная медицинская помощь, что они не пойдутъ лѣчиться въ больницу, и что при условіяхъ ихъ быта всякое лѣченіе сведется къ нулю. Даже въ медицинскомъ уставѣ того времени, а можетъ быть и теперь, еще существовала статья, въ которой выражалось, что при простотѣ и однообразіи крестьянской жизни, ихъ болѣзни очень несложны и не требуютъ особаго лѣченія, а потому и совѣтовалось лѣчить

ихъ средствами простыми, преимущественно изъ растительнаго царства, собираемыми на мѣстѣ черезъ фельдшеровъ и другихъ лицъ.

Составители этой курьезной статьи вѣроятно забыли или, можетъ быть, не знали, что сифилисъ царить во многихъ селеніяхъ, поражая нерѣдко цѣлыя семьи, что волотуха, рахитизмъ и другія дѣтскія болѣзни уносятъ болѣе пятидесяти процентовъ дѣтскаго населенія ранѣе достиженія дѣтми пятилѣтняго возраста, что глазныя болѣзни въ родѣ трахомы господствуютъ во многихъ мѣстностяхъ эпидемически, что въ случаяхъ эпидемій населеніе вымираетъ безъ всякой помощи, что невѣжественныя бабки-повитухи портятъ здоровье бѣдныхъ роженицъ и губятъ новорожденныхъ своими дикими приемами. При такой постановкѣ дѣла нельзя было задаваться широкими планами о приглашеніи въ уѣздъ большого числа врачей, объ устройствѣ нѣсколькихъ больницъ въ немъ, гдѣ бы крестьяне получали правильную медицинскую и хирургическую помощь. Пришлось ограничиться устройствомъ медицинской помощи по такъ называемой развѣдной системѣ, которая была принята потомъ почти во всѣхъ земствахъ.

На первое время предположено было устроить въ уѣздѣ пять фельдшерскихъ пунктовъ для амбулаторнаго приѣма больныхъ и пригласить двухъ врачей, которые не менѣе трехъ разъ въ мѣсяцъ должны были объѣзжать пункты своего района, какъ для приѣма больныхъ, такъ и для наблюденія за фельдшерами. Городскую больницу, которая должна была перейти въ земство, предположено было реорганизовать на основаніяхъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. При каждомъ фельдшерскомъ пунктѣ долженъ быть фельдшеръ и запасъ медикаментовъ для амбулаторнаго лѣченія и отъ двухъ до четырехъ кроватей. Въ случаѣ эпидеміи врачи и фельдшера должны были выѣзжать на мѣсто гдѣ для подаенія помощи. Какъ это дѣлалось и къ какимъ привело результатамъ, увидимъ сейчасъ. Въ случаѣ приглашенія на трудные роды врачи должны были также выѣзжать для подаенія помощи. Крімъ того, предполагалось пригласить въ уѣздъ двухъ или трехъ акушеровъ.

Проектъ этотъ вызвалъ самыя оживленныя пренія. Даже между крестьянами нашлись лица, возставшія противъ него. Особенно сильныя возраженія вызвало предложеніе о приглашеніи акушеровъ. „Намъ бабешекъ не пужно“, какъ энергически выразился одинъ изъ крестьянскихъ гласныхъ: „вотъ фельдшеръ, чтобы поставить банки—это дѣло хорошее, а больше намъ ни-

чего не нужно". Въ такомъ же почти родѣ были возраженія со стороны въ некоторой части интеллигенціи. Правду сказалъ поэтъ:

„Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не загло ни одно
Жизня чистой, человѣческой
Плодотворное зерно“.

Послѣ долгихъ и бурныхъ прервій пришлось отказать отъ приглашенія акушерокъ и нѣсколько измѣнить первоначальный планъ расположенія лѣчебницъ. Такъ, вмѣсто лѣчебницы въ селѣ Сергіенскомъ въ южной части уѣзда постановлено открыть лѣчебницу въ селѣ Будовѣ въ сѣверной части его. Последнее было сдѣлано въ видѣ компромисса съ довольно вліятельнымъ глашнымъ Мячковымъ, который заявилъ, что въ случаѣ несогласія на это управы, весь проектъ будетъ отвергнутъ.

Для спасенія дѣла пришлось согласиться на эту уступку, хотя Будово, отстоящее отъ города всего на двадцать верстъ на Московско-Петербуржскомъ шоссе, нуждалось въ больницѣ менѣе болѣе отдаленныхъ мѣстѣ уѣзда. Наконецъ проектъ былъ принятъ и на содержаніе всей медицинскон части ассигновано было пять тысячъ рублей. Съ такими скудными средствами было положено начало дѣлу, которое, какъ оказалось, было вызвано не призрочною, а настоятельною и дѣйствительною потребностью народнои жизни и, развиваясь съ каждымъ годомъ, достигло въ настоящее время такихъ широкихъ размѣровъ.

Въ началѣ 1867-го года приступлено было къ устройству лѣчебницъ. До того времени существовала въ уѣздѣ одна лѣчебница въ селѣ Козицынѣ, устроенная бывшею сестрою милосердія Кресто-Воздвиженской общины Екатериной Михайловной Бакуниной на собственные средства въ 1861-мъ году ¹⁾. Кромѣ амбулаторнаго приѣма въ ней было четыре кровати для постоянныхъ больныхъ.

Содержалась она на счетъ г-жи Бакуниной, кромѣ того изъ Кабинета Государыни Императрицы выдавалось ежегодно по двѣсти рублей на поддержаніе ея.

Е. М. Бакунина была первою русскою сестрою милосердія и сотрудницей Н. И. Цирогова въ Севастополѣ, а потомъ начальницей сестеръ милосердія Кресто-Воздвиженской общины до 1861 года и работала тамъ подъ руководствомъ врача общины Тарасова. При своемъ свѣтломъ умѣ и обширномъ разносто-

¹⁾ Исторія ея описана мною въ июльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1897 годъ, въ „Воспоминаніяхъ о Ек. Мих. Бакуниной“.

равнемъ образованіи она подъ руководствомъ втихъ двухъ наставниковъ пріобрѣла навыкъ въ распознаваніи и лѣченіи какъ внутреннихъ, такъ и въ особенности хирургическихъ болѣзней и, вернувшись въ 1861 году въ свое наслѣдственное имѣніе Ковицyno, рѣшила посвятить остатокъ своей жизни дѣлу медицинской помощи народу.

Основанная ею лѣчебница скоро пріобрѣла извѣстность и довѣріе среди крестьянъ, стекавшихся туда цѣлыми сотнями. Какъ только былъ утвержденъ проектъ организаціи земской медицины, земство, по предложенію Е. М. Бакувиной, приняло эту лѣчебницу въ число земскихъ и назначило туда фельдшера. При этомъ лѣчебница продолжала содержаться на счетъ Бакувиной, а средства, ассигнуемыя земствомъ, пошла на расширеніе ея дѣятельности: число кроватей было увеличено съ четырехъ до восьми, расширено самое зданіе лѣчебницы, сдѣланы многія улучшенія въ ея содержаніи.

Приблизительно по типу ея были устроены и другія земскія лѣчебницы: лѣчебница въ деревнѣ Мошнахъ, въ деревнѣ Сосновицахъ и селѣ Будовѣ были устроены въ наемныхъ помѣщеніяхъ, для лѣчебницы въ деревнѣ Локотцахъ владѣльцемъ этого имѣнія С. И. Смирновымъ былъ пожертвованъ небольшой домъ въ своей усадьбѣ. При каждой лѣчебницѣ было устроено по четыре постоянныхъ кровати для нѣкоторыхъ случаевъ.

Главнымъ затрудненіемъ при устройствѣ лѣчебницъ былъ крайній недостатокъ мало-мальски порядочныхъ и образованныхъ фельдшеровъ. Фельдшерскихъ школъ, какія развились впоследствии, тогда еще не существовало. Было нѣсколько военно-фельдшерскихъ школъ, въ которыхъ давалось довольно сносное по тому времени фельдшерское образованіе. Хотя фельдшера эти, привыкшіе дѣйствовать въ правильно организованныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ, не вполне удовлетворяли требованіямъ земской дѣятельности, но все-таки приходилось обращаться къ нимъ, какъ къ наиболее добропорядочному элементу. При нѣкоторыхъ большихъ гражданскихъ больницахъ были также фельдшерскія школы, но программамъ и объему преподаванія стоявшія ниже школъ военныхъ.

Почти общій недостатокъ всѣхъ тогдашнихъ фельдшеровъ было поклоненіе Бахусу; рѣдко можно было найти человѣка безупречнаго въ этомъ отношеніи. Въ одну изъ лѣчебницъ, Локотецкую, пришлось пригласить фельдшера изъ такъ называемыхъ ротныхъ фельдшеровъ, обучавшихся обыкновенно въ

полковыхъ лазаретахъ. Къ сожалѣнію, субъектъ этотъ оказался не только мало свѣдущимъ, но и крайне нетрезвымъ.

Въ лѣчебницу въ селѣ Будовѣ являлось очень мало больныхъ, такъ какъ въ этомъ огромномъ селѣ, растянувшемся на протяженіе двухъ верстъ, и въ окрестныхъ деревняхъ жили по преимуществу старообрядцы, неохотно прибѣгавшіе тогда къ медицинской помощи. По моему предложенію управа рѣшила обратить эту лѣчебницу въ специально сифилитическую. Такъ какъ число сифилитиковъ въ уѣздѣ, требовавшихъ больничнаго лѣченія, было довольно велико, и только небольшая часть ихъ могла пользоваться въ городской больницѣ, нанятый же для Будовской лѣчебницы домъ могъ вмѣстить въ себѣ свободно до пятнадцати человѣкъ больныхъ, но и рѣшено было устроить тамъ филиальное сифилитическое отдѣленіе, тѣмъ болѣе, что Будово, находясь въ двадцати двухъ верстахъ отъ города на шоссе, имѣло удобное сообщеніе съ городомъ, и завѣдующій этимъ участкомъ врачъ могъ посѣщать ее четыре и болѣе разъ въ мѣсяцъ. По моему предложенію былъ приглашенъ туда знакомый съ лѣченіемъ сифилитиковъ фельдшеръ, служившій въ Петербургской Калинкянской больницѣ. Нужно сказать, что въ то же время по моему предложенію земство постановило всѣхъ сифилитиковъ, нуждающихся въ больничномъ лѣченіи, лѣчить въ больницѣ бесплатно на земскій счетъ, а въ 1868-мъ году былъ изданъ законъ, установившій для всѣхъ земствъ бесплатное лѣченіе сифилитиковъ.

По проекту, утвержденному земствомъ, городская больница, состоявшая въ вѣдомствѣ Приказа общественнаго приарѣнія, должна была, по принятіи ея отъ Приказа, составить, такъ сказать, центральную больницу Новоторжскаго земства. Передача этой больницы въ земство встрѣтила препятствіе со стороны городского управленія, считавшаго ее почему-то собственностью города, хотя городъ не тратилъ на содержаніе ея ни копѣйки. Переписка по этому дѣлу длилась нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ, городъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ фиктивныхъ правъ на нее, по рѣшенію высшей администраціи.

По принятіи больницы въ земство тотчасъ же приступили къ устраниенію ея недостатковъ: было устроено женское отдѣленіе на двадцать кроватей, старыя деревянныя койки замѣнены желѣзными, устроена комната для операцій и ванная, приобретены необходимые инструменты для операцій, такъ что въ теченіе года больница приняла довольно удовлетворительный видъ. При ней былъ также открытъ амбулаторный пріемъ больныхъ.

Сначала ею завѣдывали оба врача по очереди, такъ что въ день выѣзда одного изъ нихъ въ уѣздъ для осмотра фельдшерскихъ пунктовъ, больныхъ осматривалъ другой врачъ, оставшійся въ это время въ городѣ. Порядокъ этотъ скоро оказался неудобнымъ, и для завѣдыванія городской больницей въ 1869-мъ году былъ приглашенъ особый врачъ, а участковые врачи, завѣдуя своими пунктами, должны были являться въ больницу, когда были въ городѣ, только для амбулаторнаго приѣма.

Кромѣ обыкновенныхъ больныхъ въ эту больницу переводились изъ всѣхъ пунктовъ тѣ больные, которые требовали большихъ операцій, и въ ней же лѣчились сифилитики со всего уѣзда. Сифилитическое отдѣленіе въ Будовѣ просуществовало не болѣе года, такъ какъ крестьяне, боясь огласки, поступали туда крайне неохотно.

Вмѣсто него была открыта лѣчебница съ шестью кроватями въ селѣ Сергіевскомъ въ южной части уѣзда. Въ устройствѣ ея принялъ большое участіе сосѣдній землевладѣлецъ В. П. Тыртовъ, помогавшій земству какъ и матерьяльными пособіями, такъ и своимъ нравственнымъ вліяніемъ на окрестныхъ жителей. Въ 1868-мъ году фельдшерскій пунктъ изъ деревни Локотцы по тѣснотѣ помѣщенія былъ переведенъ въ село Прямухино, въ которомъ владѣльцы имѣнія Бакунины уступили довольно обширный домъ, гдѣ, кромѣ амбулаторіи, было также устроено шесть постоянныхъ кроватей. Содержаніе больныхъ отпускалось на счетъ земства.

Лѣтомъ 1867-го года вся южная и западная части уѣзда были охвачены эпидеміей сыпного и возвратнаго тифа. Всего въ теченіе лѣта было болѣе трехъ тысячъ больныхъ. Деревни, въ которыхъ были больные, посѣщались врачами, но къ сожалѣнію никакихъ дѣятельныхъ мѣръ къ прекращенію болѣзни и къ ограниченію ея распространенія принять было невозможно. Все дѣло ограничивалось выдачею лѣкарствъ, большею частью хинина и соляной кислоты, совѣтами обмывать больныхъ холодной водой и соблюдать вокругъ нихъ возможную чистоту; но наблюдать за соблюденіемъ этихъ мѣръ было некому. Участковые фельдшера могли только урывками посѣщать эти деревни; врачи тоже рѣдко имѣли возможность посѣтить охваченныя эпидеміей селенія болѣе двухъ разъ въ мѣсяць, хотя почти каждый день въ теченіе двухъ мѣсяцевъ выѣзжали въ уѣздъ. Діагнозъ фельдшерами часто ставился неправильно, иногда даже наугадъ. Они не всегда умѣли отличить сыпной тифъ отъ возвратнаго, а одинъ изъ нихъ (Локотецкій) обыкновенно послѣ

посѣщенія какой-нибудь пораженной эпидеміей деревни докладывалъ, что въ ней появилась „скарлатина съ сильной слабостью“.

Изоляцію больныхъ отъ здоровыхъ устроить было невозможно. Хотя почти въ каждой деревнѣ были свободныя избы, но отдѣлить въ нихъ больныхъ было очень затруднительно, такъ какъ ходить за ними было некому: эпидемія развилась въ самое рабочее время, когда каждая минута дорога для крестьянина, сидѣлокъ же для больныхъ навти было невозможно, вслѣдствіе чего мы не особенно настаивали на изоляціи, встрѣчая къ тому же въ этомъ сильное сопротивленіе крестьянъ. Въ одномъ селеніи крестьяне даже поколотили старосту, очень рьяно наставлявшаго на выполненіи въ точности этой мѣры.

Прибѣгать къ содѣйствию полицейской власти было болѣе чѣмъ опасно: этимъ путемъ можно было только отворотить крестьянъ отъ себя. Вообще мы постоянно старались избѣгать содѣйствія полиціи по причинѣ тогдашней грубости, неумѣлости и недобросовѣстности пившаго полицейскаго персонала.

Когда года черезъ два послѣ этого въ городѣ развилась сильная эпидемія скарлатины, и предложено было составлять статистическія карточки о заболѣвающихъ, городская санитарная коммиссія имѣла неосторожность обратиться для этого къ содѣйствию полиціи. Тогда я наткнулся въ одномъ домѣ на такую сцену: пріѣхавъ туда утромъ, я встрѣтилъ въ передней полицейскаго служителя. На мой вопросъ, что онъ тутъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, что ему приказано слѣдить, когда умрутъ больные, чтобы довести объ этомъ по начальству.

Вошедшій въ это время въ переднюю хозяинъ дома чуть не со словами на глазахъ просилъ меня избавить его отъ посѣщеній этого господина, такъ какъ онъ, являясь каждое утро въ домъ, обыкновенно сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока ему не давали гривенникъ или пятиалтынный. Конечно, я сейчасъ же отправился въ коммиссію и настоялъ на избавленіи больныхъ отъ такихъ лишнихъ посѣтителей.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

